

Огюст Конт

Дух позитивной философии

Дух позитивной философии

Слово о положительном мышлении

Предмет этого «слова»

1. Совокупность астрономических знаний, рассматриваемых до настоящего времени слишком изолированно, должна отныне составлять только один из необходимых элементов новой нераздельной системы общей философии, постепенно подготовленной в течение последних трех веков само собой получившимся схождением результатов всех великих научных трудов и достигшей, наконец, по своей отвлеченности истинной зрелости. В силу этого еще чрезвычайно мало понятого теперь тесного соотношения, сущность и назначение этого *трактата* не могли бы быть достаточно оценены, если бы это необходимое предварительное слово не было преимущественно посвящено надлежащему определению истинного основного духа этой философии, всемирное установление которой должно стать основной целью позитивного обучения. Так как она отличается, главным образом, постоянным преобладанием, одновременно логическим и научным, исторической или социальной точки зрения, то я должен сначала для того, чтобы ее лучше охарактеризовать, напомнить вкратце великий закон, который в моей *Системе положительной философии* я установил о полной интеллектуальной эволюции человечества, — закон, который, сверх того, будет впоследствии часто применяться в наших астрономических исследованиях.

Часть первая

Превосходство положительного мышления

Глава первая

Закон интеллектуальной эволюции человечества или закон трех стадий

2. Согласно моей основной доктрине, все наши умозрения, как индивидуальные, так и родовые должны неизбежно пройти, последовательно три различные теоретические стадии, которые смогут быть здесь достаточно определены обыкновенными наименованиями — теологическая метафизическая и научная, — по крайней мере для тех, которые хорошо поймут их истинный общий смысл.

Первая стадия, хотя сначала необходимая во всех отношениях, должна отныне всегда рассматриваться как чисто предварительная; вторая — представляет собой в действительности только видоизменение разрушительного характера, имеющее лишь

временное назначение — постепенно привести к третьей; именно на этой последней, единственно вполне нормальной стадии, строй человеческого мышления является в полном смысле окончательным.

1. Теологическая или фиктивная стадия

3. В их первоначальном проявлении, неминуемо теологическом, все наши умозрения сами собой выражают характерное предпочтение наиболее неразрешимым вопросам, наиболее недоступным всякому исчерпывающему исследованию предметам. В силу контраста, который в наше время должен с первого взгляда казаться необъяснимым, но который, в действительности, был тогда в полной гармонии с истинно младенческим состоянием нашего ума, человеческий разум в то время, когда он еще не способен разрешать простейшие научные проблемы, жадно и почти исключительно ищет начала всех вещей, стремится найти либо начальные, либо конечные основные *причины* различных поражающих его явлений и основной способ их возникновения, — словом, стремится к абсолютному знанию. Эта примитивная потребность естественно удовлетворяется, насколько этого требует такое состояние, и даже насколько она действительно могла бы когда-либо удовлетворяться благодаря нашему извечному стремлению облекать все в человеческие образы, уподобляя всякие наблюдаемые нами явления тем, которые мы сами производим и которые в силу этого начинают нам казаться, вследствие сопровождающей их непосредственной интуиции, достаточно известными. Для того, чтобы лучше понять чисто теологический дух, являющийся результатом все более и более систематического развития этого первобытного состояния, не нужно ограничиваться рассмотрением его в последнем фазисе, заканчивающемся на наших глазах у наиболее передовых народов, но представляющемся далеко не наиболее характерным — необходимо бросить истинно философский взгляд на весь его естественный ход, дабы оценить его основное тождество во всех последовательно свойственных ему трех главных формах.

4. Наиболее непосредственным и наиболее резко выраженным фазисом является собственно *фетишизм*, преимущественно заключающийся в том, что всем внешним телам приписывается жизнь, существенно аналогичная нашей, но почти всегда более энергичная вследствие их обыкновенно более сильного действия. Поклонение небесным светилам характеризует наиболее возвышенную ступень этой первой теологической стадии, вначале едва отличающейся от умственного состояния, на котором останавливаются высшие породы животных. Хотя эта первая форма теологической философии постоянно с очевидностью выступает в интеллектуальной истории всех наших обществ, она господствует теперь непосредственно только среди самой немногочисленной из трех великих рас, составляющих человеческий род.

5. В своем втором основном фазисе теологическое мышление, отливаясь в настоящий *политеизм*, очень часто смешиваемый современными народами с предыдущей стадией, — ясно представляет свободное умозрительное преобладание воображения между тем, как раньше инстинкт и чувство имели перевес в человеческих теориях. Первоначальная философия в этом состоянии подвергается наиболее глубокому преобразованию, какому только доступна совокупность ее реального назначения, — преобразованию, выражающемуся в том, что материальные предметы, наконец, лишаются навязанной им жизни, мистически переносимой на различные вымышленные, обыкновенно невидимые существа, непрерывное активное вмешательство которых становится отныне прямым источником всех внешних, а затем даже и человеческих явлений. Именно на протяжении этого характерного фазиса, еще недостаточно теперь оцененного, нужно, главным образом, изучать теологический дух, который здесь развивается столь полно и однородно, как никогда после: это время является во всех

отношениях временем его наибольшего расцвета, одновременно умственного и социального. Большинство нашего рода не вышло еще из этой стадии, на которой упорно продолжает оставаться теперь, кроме выдающейся части черной расы и наименее передовая часть белой, наиболее многочисленной из трех человеческих рас.

6. В третьем теологическом фазисе *монотеизм*, в собственном смысле слова, начинает собой неизбежный упадок первоначальной философии, которая, вполне сохраняя за собой в течение долгого времени большое социальное влияние, хотя более кажущееся, чем действительное, — претерпевает отныне быстрое уменьшение ее интеллектуального значения в силу естественного следствия, само собою вытекающего из характерного упрощения, благодаря которому разум начинает все более и более сокращать прежнее господство воображения, давая постепенно развиваться до тех пор почти незаметному всеобщему чувству, говорящему о необходимом подчинении всех явлений неизменным законам. Эта крайняя форма предварительного порядка вещей *в ее чрезвычайно различных* и даже совершенно несогласимых видах продолжает еще оставаться более или менее прочной у громадного большинства белой расы. Но, хотя наблюдение ее должно было бы быть, таким образом, более легким, тем не менее личные предубеждения, мешающие достаточно разумному и достаточно беспристрастному ее сравнению с двумя предыдущими формами, слишком часто препятствует и теперь ее справедливой оценке.

7. Каким бы несовершенным ни должен казаться теперь такой философский метод, весьма важно неразрывно связать нынешнее состояние человеческого разума со всем рядом его предшествовавших состояний, признавая, что теологический метод должен был быть долгое время столь же необходимым, сколь и неизбежным. Ограничиваясь здесь простой умственной оценкой, было бы прежде всего излишне долго останавливаться на невольной тенденции, которая даже теперь совершенно очевидно увлекает нас к тому, чтобы давать объяснения по существу теологические, коль скоро мы хотим непосредственно коснуться недоступной тайны основного способа образования явлений и, в особенности, образования тех, реальные законы которых мы еще не знаем. Наиболее выдающиеся мыслители могут констатировать в тех случаях, когда это незнание мгновенно сочетается у них с какой-либо ярко выраженной страстью, — их собственное естественное расположение к наиболее наивному фетишизму. Если же все теологические объяснения подверглись у новых западноевропейских народов возрастающей и разрушительной критике, то это единственно потому, что таинственные исследования, которые имеют в виду эти объяснения, были все более отвергаемы как совершенно недоступные нашему уму, постепенно привыкшему непреложно заменять их знаниями более действительными и более соответствующими нашим истинным потребностям. Даже в эпоху, когда истинный философский дух одержал верх в вопросах, касающихся наиболее простых явлений и столь легкого предмета, как элементарная теория столкновения тел, памятный пример Мальбранша напомнит всегда о необходимости прибегать к непосредственному и постоянному вмешательству сверхъестественной силы всякий раз, когда пытаются восходить к первопричине какого-либо события. Но с другой стороны, такие попытки, насколько бы ребяческими они теперь, справедливо, ни казались, составляют поистине единственное первоначальное средство определять непрерывный подъем человеческих умозрений и само собой освобождают наш ум из глубоко порочного круга, в котором он по необходимости был заключен сначала, вследствие коренного противодействия двух одинаково настоятельных условий. Ибо, если современные народы должны были провозгласить невозможность основать какую-либо прочную теорию иначе, как на достаточном фундаменте соответственных наблюдений, то не менее бесспорно, что человеческий разум не мог бы никогда ни сочетать, ни даже собрать эти необходимые материалы, если бы он не руководствовался всегда некоторыми предварительно установленными спекулятивными взглядами.

Эти первобытные концепции могли, очевидно, явиться продуктом только философии, по

своей природе чуждой всякой сколько-нибудь продолжительной подготовке и способной, так сказать, самопроизвольно возникать под единственным давлением непосредственного инстинкта, как бы нелепы ни были умозрения, лишенные таким образом всякого реального основания. Таково счастливое преимущество теологических принципов, без которых, необходимо это признать, наш ум не мог бы никогда выйти из своего первоначального оцепенения и которые одни только могли позволить, руководя его спекулятивной деятельностью, постепенно подготовить лучший строй мысли. Этой основной способности, впрочем, сильно благоприятствовала врожденная склонность человеческого разума к неразрешимым вопросам, которыми преимущественно занималась эта первобытная философия. Мы могли познать объем наших умственных сил и, следовательно, разумно ограничить их назначение лишь после достаточного их упражнения. А это необходимое упражнение не могло сначала иметь места, в особенности относительно наиболее слабых способностей нашей природы, без страстности, которая присуща таким исследованиям, где столько слабо просвещенных голов упорно продолжают еще искать наиболее быстрого и наиболее полного решения самых обычных вопросов. Дабы победить нашу врожденную косность, нужно было даже долгое время прибегать к заманчивым иллюзиям, самопорождаемым такой философией, о почти бесконечной власти человека видоизменять по своему желанию мир, рассматриваемый тогда как устроенный главным образом в интересах человека, и о том, что никакой великий закон не мог еще избавиться от верховного произвола сверхъестественных влияний. Едва прошло три века, как у избранной части человечества астрологические и алхимические надежды — последний научный след этого первобытного мышления — действительно перестали служить мотивом для повседневного накопления соответствующих наблюдений, как это показали Кеплер и Бертоле.

8. Решающее значение этих различных интеллектуальных мотивов могло бы быть, сверх того, сильно подкреплено, если бы характер этого *трактата* позволил мне в достаточной мере указать непреодолимое влияние важных социальных потребностей, которые я надлежащим образом рассмотрел в моем вышеупомянутом сочинении. Можно, таким образом, вполне доказать, насколько теологический дух должен был долгое время быть необходимым, в особенности для сочетания моральных и политических идей еще в более сильной степени, чем для всяких других сочетаний идей, как в силу их большей сложности, так и потому, что соответственные явления, первоначально очень слабо выраженные, смогли приобрести заметное развитие лишь после чрезвычайно продолжительного роста цивилизации. Странной непоследовательностью, едва объяснимой бессознательной критической тенденцией нашего времени, является стремление признавать, что древние не могли рассуждать о простейших предметах иначе, как в теологическом духе, и в то же время отрицать, в особенности у политеистов, наличие настоящей потребности в аналогичном образе мышления в области социальных вопросов. Но нужно, кроме того, понять, хотя я не могу установить этого здесь, что эта первоначальная философия была не менее необходимой как для предварительного развития нашей общественности, так и для подъема наших умственных сил, либо с целью примитивного построения известных общих доктрин, без которых социальная связь не могла бы приобрести ни обширности, ни постоянства, либо для само собой осуществляемого создания единственно мыслимого тогда духовного авторитета.

II. Метафизическая или абстрактная стадия

9. Как ни кратки должны быть здесь общие объяснения о временном характере и подготовительном назначении единственной философии, действительно соответствующей младенческому состоянию человечества, — они могут легко дать понять, что этот

первоначальный образ мышления резко отличается во всех отношениях от того направления ума, которое, как мы увидим, отвечает зрелому состоянию человеческой мысли и что это различие слишком глубоко для того, чтобы постепенный переход от одного метода к другому мог впервые совершиться, как у индивида, так и у целого рода, без возрастающей помощи посредствующей философии, по существу ограниченной этой временной функцией. Таково специальное участие собственно метафизической стадии в основной эволюции нашего ума, который, не терпя резких изменений, может таким образом подниматься почти незаметно от чисто теологического до открыто позитивного состояния, хотя это двусмысленное положение по существу приближается гораздо более к первому, чем ко второму. Господствующие умозрения сохранили на этой стадии существенный характер направления, свойственного абсолютным знаниям, только выводы подвергаются здесь значительному преобразованию, способному более облегчить развитие положительных понятий.

В самом деле, метафизика пытается, как и теология, объяснять внутреннюю природу существ, начало и назначение всех вещей, основной способ образования всех явлений, но вместо того, чтобы прибегать к помощи сверхъестественных факторов, она их все более и более заменяет *сущностями* (*entités*) или олицетворенными абстракциями, поистине характерное для нее употребление которых позволяло часто называть ее именем *онтологии*. Теперь очень легко наблюдать это способ философствования, который, оставаясь еще преобладающим в области наиболее сложных явлений, дает ежедневно, даже в наиболее простых и наименее отсталых теориях, столько *заметных следов* его долгого господства¹.

Историческое значение этих сущностей прямо вытекает из их двусмысленного характера: ибо в каждом из этих метафизических существ, присущем соответствующему телу и в то же время не смешивающемуся с ним, ум может, по желанию — и в зависимости от того, находится ли он ближе к теологическому или к позитивному состоянию, — видеть либо действительную эманацию сверхъестественной силы, либо просто отвлеченное наименование рассматриваемого явления. Господствующее положение чистой фантазии тогда прекращается, но и истинное наблюдение не является еще преобладающим, только мысль приобретает большую широту и незаметно подготавливается к истинно научной работе. Нужно, сверх того, заметить, что в метафизической стадии умозрительная часть оказывается сначала чрезвычайно преувеличенной вследствие упорного стремления аргументировать вместо того, чтобы наблюдать, — стремления, которое во всех областях обыкновенно характеризует метафизический образ мышления даже у его наиболее знаменитых выразителей. Гибкий порядок концепций, который никоим образом не терпит постоянства, столь долго свойственного теологической системе, должен (к тому же очень скоро) достигнуть соответственного единства путем постепенного подчинения различных частных сущностей единой общей сущности — *природе*, предназначение которой заключается в том, чтобы представлять собою слабый метафизический эквивалент смутной универсальной связи, вытекающей из монотеизма.

10. Чтобы лучше понять, в особенности в наше время, историческую силу такого философского орудия, важно признать, что по своей природе оно само по себе способно лишь проявлять *критическую* или разрушительную деятельность даже в области теории и, в еще большей степени, в области социальных вопросов, не будучи никогда в состоянии

¹ Почти все обычные объяснения, относящиеся к социальным явлениям, большая часть объяснений, касающихся интеллектуального и морального человека, огромная часть наших физиологических или медицинских теорий и даже много химических теорий и т. д. напоминают еще странный способ философствовать, который по поводу, например, *усыпительного свойства* опиума, так забавно, но без сильного преувеличения охарактеризовал Мольер сообразно решительному удару, нанесенному Декартом всякой системе сущностей.

создать что-либо положительное, исключительно свойственное ему.

Глубоко непоследовательная, эта двусмысленная философия сохраняет все основные принципы теологической системы, лишая их, однако, все более и более силы и постоянства, необходимых для их действительного авторитета, и именно в подобном искажении заключается ее главная временная полезность для того момента, когда старый образ мышления, долгое время прогрессивный для совокупности человеческой эволюции, неизбежно достигает той ступени, на которой дальнейшее его существование оказывается вредным, так как он стремится упрочить на неопределенное время младенческое состояние, которым он вначале так счастливо руководил. Метафизика, таким образом, является в сущности ни чем иным, как видом теологии, ослабленной разрушительными упрощениями, самопроизвольно лишаящими ее непосредственной власти помешать развитию специально позитивных концепций. Но, с другой стороны, благодаря этим же разрушительным упрощениям, она приобретает временную способность поддерживать деятельность обобщающего ума, пока он, наконец, не получит возможность питаться лучшей пищей. В силу своего противоречивого характера метафизический, или онтологический, образ мышления оказывается всегда перед неизбежной альтернативой: либо стремиться в интересах порядка к тщетному восстановлению теологического состояния, либо, дабы избежать угнетающей власти теологии, толкать общество к чисто отрицательному положению. Это неизбежное колебание, которое наблюдается теперь только относительно наиболее трудных теорий, некогда существовало равным образом по отношению даже к наиболее простым, пока они не перешагнули метафизической стадии, и обусловлено это органическим бессилием, всегда свойственным этому философскому методу. Если бы общественный рассудок издавна не изгнал его из некоторых основных понятий, то можно безошибочно утверждать, что порожденные им двадцать веков тому назад бессмысленные сомнения в существовании внешних тел повторялись бы еще теперь, ибо он их никогда никакой решительной аргументацией не рассеял.

Метафизическое состояние нужно, таким образом, в конечном счете, рассматривать как своего рода хроническую болезнь, естественно присущую эволюции нашей мысли — индивидуальной или коллективной на границе между младенчеством и возмужалостью.

11. Так как исторические умозрения у новых народов почти никогда не восходят дальше времен политеизма, то метафизическое мышление должно казаться почти столь же древним, как теологическое. В самом деле, оно неизбежно руководило, хотя скрытно, первоначальным преобразованием фетишизма в политеизм, дабы устранить исключительное господство чисто сверхъестественных сил, которые, будучи таким образом непосредственно удалены из каждого отдельного тела, должны были тем самым оставлять в каждом некоторую соответственную сущность. Но так как при этом первом теологическом перевороте никакое истинное обсуждение не могло иметь места, то непрерывное вмешательство онтологического духа стало вполне характерным лишь в последующей революции, при превращении политеизма в монотеизм естественным орудием которого он должен был явиться. Его возрастающее влияние должно было сначала, пока он оставался подчиненным теологическому давлению, казаться органическим, но его природа, в основе разрушительная, должна была затем все более и более проявляться, когда он постепенно делал попытки доводить упрощение теологии даже далее обыкновенного монотеизма, составлявшего, по необходимости крайний и действительно возможный фазис первоначальной философии. Так, в течение последних пяти веков метафизический дух, действуя отрицательно, благоприятствовал основному подъему нашей современной цивилизации, — разлагая мало-помалу теологическую систему, ставшую окончательно ретроградной к концу средних веков, когда социальная сила монотеистического режима оказалась существенно исчерпанной. К несчастью, выполнив с возможной полнотой эту необходимую, но временную функцию, онтологические концепции, действуя слишком продолжительно, должны были также

стремиться противодействовать всякой другой реальной организации спекулятивной системы; так что наиболее опасное препятствие для окончательного установления истинной философии действительно вытекает теперь из того же самого образа мышления, который часто теперь еще присваивает себе почти исключительную привилегию в области философии.

III. Положительная или реальная стадия

1. Основной признак: Закон постоянного подчинения воображения наблюдению

12. Эта длинная цепь необходимых предварительных фазисов приводит, наконец, наш постепенно освобождающийся ум к его окончательному состоянию рациональной положительности. Это состояние мы должны охарактеризовать здесь более подробно, чем две предыдущие стадии. Установив самопроизвольно, на основании стольких подготовительных опытов, совершенную бесплодность смутных и произвольных объяснений, свойственных первоначальной философии — как теологической, так и метафизической, — наш ум отныне отказывается от абсолютных исследований, уместных только в его младенческом состоянии, и сосредоточивает свои усилия в области действительного наблюдения, принимающей с этого момента все более и более широкие размеры и являющейся единственно возможным основанием доступных нам знаний, разумно приспособленных к нашим реальным потребностям. Умозрительная логика до сих пор представляла собой искусство более или менее ловко рассуждать согласно смутным принципам, которые, будучи недоступными сколько-нибудь удовлетворительному доказательству, постоянно возбуждали бесконечные споры. Отныне она признает как *основное правило* > что всякое предложение, которое недоступно точному превращению в простое изъяснение частного или общего факта, не может представлять никакого реального или понятного смысла. Принципы, которыми она пользуется, являются сами ни чем иным, как действительными фактами, но более общими и более отвлеченными, чем те, связь которых они должны образовать. Каков бы ни был, сверх того, рациональный или экспериментальный метод их открытия, их научная сила постоянно вытекает исключительно из их прямого или косвенного соответствия с наблюдаемыми явлениями. Чистое воображение теряет тогда безвозвратно свое бывшее первенство в области мысли и неизбежно подчиняется наблюдению (таким путем создается вполне нормальное логическое состояние), не переставая, тем не менее, выполнять в положительных умозрениях столь же важную, как и неисчерпаемую функцию в смысле создания или совершенствования средств как окончательной, так и предварительной связи идей. Одним словом, основной переворот, характеризующий состояние возмужалости нашего ума, по существу, заключается в повсеместной замене недоступного определения причин в собственном смысле слова — простым исследованием *законов*, т. е. постоянных отношений, существующих между наблюдаемыми явлениями. О чем бы ни шла речь, о малейших или важнейших следствиях, о столкновении и тяготении, или о мышлении и нравственности, — мы можем действительно знать только различные взаимные связи, свойственные их проявлению, не будучи никогда в состоянии проникнуть в тайну их образования.

2. Относительный характер положительной философии

13. Не только наши положительные исследования во всех областях должны по существу ограничиваться систематической оценкой того, что есть, отказываясь открывать первопричину и конечное назначение, но, кроме того, важно понять, что это изучение явлений вместо того, чтобы стать когда-либо абсолютным, должно всегда оставаться *относительным* в зависимости от нашей организации и нашего положения. Признавая с этой двоякой точки зрения неизбежное несовершенство наших различных умозрительных средств, мы видим, что, далекие от возможности изучить со всей полнотой какое-либо действительное существование, мы не можем быть уверенными в возможности констатировать, даже чрезвычайно поверхностно, все реальные существования, большая часть которых должна, быть может, всецело оставаться для нас сокрытой. Если потеря одного важного чувства достаточна, чтобы совсем скрыть от нас целый круг естественных явлений, то вполне уместно полагать, что, обратно, приобретение нового чувства открыло бы нам класс фактов, о которых мы теперь не имеем никакого представления; по крайней мере, думать, что разнообразие чувств, столь различное у главных видов животных, доведено в нашем организме до наивысшей степени, которой могло бы требовать полное познание внешнего мира — предположение, очевидно неосновательное и почти бессмысленное. Никакая наука не может лучше астрономии подтвердить этот неизбежно относительный характер всех наших реальных знаний; так как исследование явлений может здесь производиться только посредством одного чувства, то очень легко оценить умозрительные последствия, обусловленные его отсутствием или его ненормальностью. Никакая астрономия не могла бы существовать у слепого вида, каким бы разумным мы его не предполагали; точно так же мы не могли бы иметь суждение ни относительно темных небесных тел, которые, быть может, являются наиболее многочисленными, ни даже относительно светил, если бы только атмосфера, через которую мы наблюдаем небесные тела, оставалась всегда и всюду туманной. На протяжении всего этого *трактата* мы часто будем иметь случай без всякого усилия оценивать с достаточной ясностью эту тесную зависимость, где совокупность как внутренних, так и внешних условий нашего собственного существования неизбежно задерживает наши положительные исследования.

14. Чтобы достаточно охарактеризовать эту, по необходимости относительную, природу всех наших реальных знаний, важно, сверх того, заметить с наиболее философской точки зрения, что, если какие-либо наши концепции должны сами рассматриваться как человеческие феномены, то такие феномены не суть просто личные, но также и в особенности социальные, ибо они, на самом деле, обусловлены коллективной и непрерывной эволюцией, все элементы и фазисы которой по существу своему примыкают друг к другу. Если же, с одной стороны, признается, что наши умозрения должны всегда находиться в зависимости от различных основных условий нашего личного существования, то нужно равным образом допустить, с другой, что они не менее подчинены совокупности непрерывного хода социальных идей, так что никогда не могут оставаться в предположенном метафизиками состоянии совершенной неподвижности. Но так как общий закон основного движения человечества в данном отношении заключается в том, что наши теории стремятся представить все более и более точно внешние предметы наших постоянных исследований, будучи, однако, лишены возможности вполне оценить истинное строение каждого из них, — научное усовершенствование должно поэтому ограничиваться стремлением приблизиться к этому идеальному пределу постольку, поскольку этого требуют наши различные реальные потребности. Этот второй вид зависимости, присущий положительным умозрениям, обнаруживается так же ясно, как и первый, во всем ходе астрономических исследований, что, например, показывает ряд все более и более удовлетворительных понятий, полученных, с момента зарождения небесной геометрии, о фигуре земли, о планетных орбитах и т. д. Таким образом, хотя, с одной стороны, научные доктрины имеют по необходимости достаточно непостоянный

характер, для того, чтобы устранить всякие притязания на абсолютное знание, их постепенные изменения не представляют, с другой, никакого произвола, который мог бы вызвать еще более опасный скептицизм; каждое последовательное изменение, сверх того, само по себе обеспечивает за соответственными теориями бесконечную способность представлять феномены, легшие в их основание, по крайней мере постольку, поскольку первоначальная степень действительной точности не должна быть перейдена.

3. Назначение положительных законов: рациональное предвидение

15. После того, как постоянное подчинение воображения наблюдению было единодушно признано как первое основное условие всякого здорового научного умозрения, неправильное толкование часто приводило к тому, что стали слишком злоупотреблять этим великим логическим принципом, превращая реальную науку в своего рода бесплодное накопление несогласованных фактов, присущее которому достоинство могло бы состоять только в его частичной точности. Важно, таким образом, хорошо понять, что истинный положительный дух в основе не менее далек от эмпиризма, чем от мистицизма; именно между этими двумя одинаково гибельными ложными путями он должен всегда прокладывать себе дорогу, потребность в такой постоянной осторожности, столь же трудной, как и важной, сверх того, достаточна для подтверждения, сообразно с нашими первоначальными объяснениями того, насколько истинная положительность должна быть зрело подготовлена, так, чтобы она не имела никакого сходства с первобытным состоянием человечества.

Именно в законах явлений действительно заключается *наука*, для которой факты в собственном смысле слова, как бы точны и многочисленны они ни были, являются всегда только необходимым сырым материалом. Рассматривая же постоянное назначение этих законов, можно сказать без всякого преувеличения, что истинная наука, далеко не способная образоваться из простых наблюдений, стремится всегда по возможности избегать непосредственного исследования, заменяя последнее рациональным предвидением, составляющим во всех отношениях главную характерную черту положительной философии. Совокупность астрономических знаний дает нам ясно понять это. Такое предвидение, необходимо вытекающее из постоянных отношений, открытых между явлениями, не позволит никогда смешивать реальную науку с той бесполезной *эрудицией*, которая механически накапливает факты, не стремясь выводить одни из других.

Это важное свойство всех наших ясных умозрений не менее касается их действительной полезности, чем их собственного достоинства, ибо прямое исследование совершившихся явлений, не давая нам возможности их предвидеть, не могло бы нам позволить изменять их ход. Таким образом, истинное положительное мышление заключается преимущественно в способности *видеть, чтобы предвидеть*, изучать то, что есть, и отсюда заключать о том, что должно произойти согласно общему положению о неизменности естественных законов².

² Об этой общей оценке духа и хода, свойственных положительному методу, можно найти полезные указания в замечательной книге *Система логики* моего знаменитого друга Джона Стюарта Милля, вполне теперь присоединившегося к непосредственному основанию новой философии. Последние семь глав первого тома содержат дивное догматическое изложение, столь же глубокое, как и блестящее, индуктивной логики, которую, смею утверждать, никто, оставаясь на точке зрения ее автора, не смог бы ни лучше задумать, ни лучше осветить.

4. Всеобщее распространение основного учения о неизменности естественных законов

16. Этот основной принцип всей положительной философии, будучи еще далеко не достаточно распространен на совокупность явлений, начинает, к счастью, за последние три века становиться столь обычным, что до сих пор, вследствие привитых раньше привычек к абсолютам, почти всегда игнорировали его истинный источник, стараясь, на основании пустой и сбивчивой метафизической аргументации, представить как своего рода врожденное или по меньшей мере примитивное понятие то, что могло ясно вытекать только из медленной и постепенной индукции, одновременно коллективной и индивидуальной. Не только никакой рациональный мотив, независимый от всякого внешнего исследования, не доказывает нам сначала неизменность физических отношений, но, напротив, не подлежит сомнению, что человеческий разум испытывает в течение своего долгого младенческого состояния чрезвычайно сильную склонность игнорировать эту неизменность даже там, где беспристрастное наблюдение ее само собою обнаружило бы, если бы он не увлекался своим необходимым стремлением приписывать все какие бы то ни было события, а в особенности наиболее важные, произвольным хотениям. В каждом круге явлений существуют, без сомнения, некоторые явления, достаточно простые и достаточно обычные для того, чтобы их самопроизвольное наблюдение внушало всегда смутное и несвязное чувство некоторой второстепенной регулярности; так что чисто логическая точка зрения не могла никогда быть строго всеобщей. Но это частичное и случайное убеждение распространяется долгое время на явления, весьма малочисленные и наиболее подчиненные, которые оно тогда не может даже предохранять от частых нарушений, приписываемых преобладающему вмешательству сверхъестественных факторов. Принцип неизменности естественных законов начинает действительно приобретать некоторое философское основание только тогда, когда первые истинно научные работы смогли обнаружить полную точность этого принципа для целого класса важных явлений; обстоятельство это могло в полной мере иметь место лишь с момента создания математической астрономии, в течение последних веков политеизма. Вслед за этим систематическим введением это основное правило стремилось, без сомнения, распространиться по аналогии на более сложные явления даже прежде, чем их собственные законы могли быть сколько-нибудь известны. Но помимо своей действительной бесплодности это смутное логическое предварение обладало тогда слишком незначительной энергией для того, чтобы надлежащим образом сопротивляться активному преобладанию, которое сохраняли в области мысли теолого-метафизические иллюзии. Первый специальный опыт установления естественных законов для каждого главного класса явлений был затем необходим для того, чтобы сообщить этому понятию ту непоколебимую силу, которую оно начинает представлять в наиболее передовых науках. Это убеждение не могло даже стать достаточно прочным, пока все основные умозрения не были действительно подвергнуты подобной обработке, так как сомнение, оставшееся еще относительно наиболее сложных, должно было тогда более или менее заражать каждое из них. Невозможно игнорировать эту бессознательную реакцию даже теперь, когда вследствие еще обычного невежества в области социологических законов, принцип постоянства физических отношений подвергается иногда грубым искажениям даже в чисто математических исследованиях, где мы видим, например, как неизменно превозносят мнимое исчисление шансов, скрыто предполагающее отсутствие всякого реального закона по отношению к известным событиям, в особенности когда здесь имеет место вмешательство человека. Но когда это всеобщее распространение, наконец, достаточно подготовлено — условие, уже выполненное теперь у наиболее передовых умов, — этот великий философский принцип тотчас приобретает полную законченность, хотя действительные законы большинства частных случаев должны долгое время оставаться неизвестными; ибо не могущая быть отвергнутой аналогия применяет тогда

наперед ко всем явлениям каждого класса то, что было установлено для некоторых из них, лишь бы только они имели надлежащую важность.

Глава вторая

Назначение положительного мышления

17. Рассмотрев отношение положительного мышления к внешним предметам наших умозрений, нужно закончить его характеристику оценкой и его внутреннего назначения — непрерывно удовлетворять наши собственные потребности, касающиеся созерцательной или активной жизни.

1. Полное и прочное устройство индивидуальной и коллективной гармонии в области мысли в отношении к человечеству

18. Хотя чисто умственные запросы суть, без сомнения, наименее энергичные из всех потребностей, присущих нашей природе, — их прямое и постоянное существование у всех мыслящих людей, тем не менее, не подлежит сомнению: они дают первый необходимый толчок нашим различным философским усилиям, слишком часто приписываемым преимущественно практическим импульсам; последние, правда, способствуют их развитию, но не могли бы их породить.

Эти умственные нужды, относящиеся, как и все другие, к регулярному выполнению соответственных функций, требуют всегда счастливого сочетания прочности и активности, откуда одновременно вытекают потребности в *порядке* и *прогрессе*, или в связи и расширении. В продолжение долгого младенческого состояния человечества теолого-метафизические концепции единственно могли, согласно нашим предыдущим объяснениям, предварительно удовлетворять, хотя крайне несовершенным образом, этому двоякому основному условию. Но когда человеческий ум, наконец, достаточно созрел, чтобы открыто отказаться от недоступных ему исследований и мудро сосредоточить свою деятельность в области, оценка которой действительно доступна нашим способностям, тогда положительная философия поистине доставляет ему во всех отношениях гораздо более полное и более реальное удовлетворение этих двух элементарных потребностей. Таково, очевидно, с этой новой точки зрения, прямое назначение открываемых ею законов различных явлений и нераздельного с ними рационального предвидения. Относительно каждого рода событий в этих законах должно, в этом отношении, различать два класса, смотря по тому, связывают ли они по *подобию* события сосуществующие, или — по *преемственности* — следующие друг за другом. Это необходимое различие в основе своей соответствует во внешнем мире тому, что само собой представляется нам всегда между двумя соотносительными состояниями существования и движения; отсюда во всякой реальной науке вытекает основное различие между *статической* и *динамической* оценками какого-либо предмета. Оба вида отношений одинаково способствуют объяснению явлений и равным образом приводят к возможности их предвидеть, хотя законы гармонии кажутся сначала назначенными преимущественно для объяснения, а законы последовательности для предвидения. В самом деле, о чем бы ни шла речь, — об объяснении или предвидении, все сводится постоянно к объединению: сверх того, всякая реальная связь, статическая или динамическая, открытая между двумя какими-либо явлениями, позволяет одновременно объяснять и предвидеть одно на основании другого;

ибо научное предвидение согласуется, очевидно, с настоящим и даже с прошлым столь же хорошо, как и с будущим, и постоянно заключается в познании факта независимо от его прямого исследования, на основании уже известных его отношений с другими фактами. Так, например, сходство, установленное между небесным и земным тяготениями, привело, на основании резких изменений первого, к предвидению слабо выраженных вариаций второго, которые прямое наблюдение не могло удовлетворительно вскрыть, хотя оно их впоследствии подтвердило; точно так же, в обратном смысле, издревле замеченное совпадение периодов морского прилива и отлива, дало возможность объяснить лунный день тотчас, как было признано, что подъем воды в каждом пункте является результатом прохождения луны через меридиан данного места. Все наши истинные логические потребности таким образом по существу сводятся к следующему общему назначению: по возможности укреплять посредством наших систематических умозрений самопроизвольное единство наших суждений, строя непрерывность и однородность наших различных концепций так, чтобы равным образом удовлетворять требованиям одновременно порядка и прогресса, заставляя нас вновь находить постоянство среди разнообразия. Но с этой основной точки зрения очевидно, что положительная философия необходимо допускает у хорошо подготовленных умов наличность способности; далеко превосходящей ту, которую теолого- метафизическая философия когда-либо могла предоставить. Рассматривая последнюю даже во времена ее наибольшего одновременно умственного и социального влияния, т. е. в фазисе политеизма, мы видим, что интеллектуальное единство было даже тогда построено гораздо менее совершенно, менее прочно, чем это в будущем позволит сделать всеобщее преобладание положительного духа, когда он распространится, наконец, на самые важные умозрения. Тогда будет повсюду, на самом деле, господствовать в различных видах и в различных степенях то удивительное логическое построение, простейшие знания которого единственно могут нам дать теперь справедливое понятие, — построение, где связь и расширение, обеспеченные каждое со всей полнотой, сами собой оказываются, сверх того, солидарными. Этот великий философский результат не требует другого необходимого условия, кроме постоянного обязательства ограничивать все наши умозрения действительно доступными исследованиями, рассматривая эти реальные отношения либо по сходству, либо по последовательности, как могущие составлять для нас только простые общие факты, которые нужно всегда стремиться свести к возможно меньшему количеству, не рассчитывая когда-либо, сообразно основному характеру положительного мышления, проникнуть в тайну их образования. Но если это действительно постоянное естественных связей есть на самом деле единственно доступное нашей оценке, то оно одно также вполне достаточно для удовлетворения всех наших потребностей, как созерцания, так и направления нашей деятельности.

19. Важно, однако, признать в принципе, что при положительном образе мышления гармония наших концепций неизбежно оказывается в известной степени ограниченной в силу основного для них обязательства быть *реальными*, т. е. достаточно соответствовать независимым от нас типам. В своем бессознательном, инстинктивном стремлении связывать наш ум почти всегда ищет возможности сочетать между собой два каких-либо одновременных или последовательных явления; но изучение внешнего мира, напротив, доказывает, что многие из этих сближений были бы нелепыми и что масса явлений совершаются непрерывно без всякой истинной взаимной зависимости; отсюда эта необходимая склонность нуждается более, чем какая-либо другая, в регуляторе, которым может явиться ясная общая оценка. Привыкший в течение долгого времени к своего рода единству учения, как бы смутно и призрачно оно ни было при господстве теологических фикций и метафизических сущностей, — человеческий разум, переходя к положительной стадии, стремился сначала сводить все различные классы явлений к единому общему закону. Но все попытки, сделанные в течение последних двух веков для получения

всеобщего объяснения природы, привели только к окончательному дискредитированию этого предприятия, отныне предоставленного лишь мало просвещенным умам. Основательное исследование внешнего мира представило его гораздо менее связным, чем это предполагает или желает наш ум, который, вследствие своей собственной слабости, более расположен умножать отношения, благоприятные для его движения и в особенности для его покоя.

Не только все шесть основных категорий, которые мы ниже различаем между естественными явлениями, не могли быть приведены к единому универсальному закону, но вполне позволительно утверждать теперь, что единство объяснения, преследуемое еще столькими серьезными умами, относительно каждой из них, взятой в отдельности, окончательно закрыто для нас даже в этой, весьма ограниченной области. Астрономия в этом отношении породила слишком эмпирические надежды, безусловно неосуществимые относительно более сложных явлений не только в области физики в собственном смысле, пять главных отраслей которой, несмотря на их бесспорные отношения между собою, останутся всегда отличными друг от друга. Философы часто расположены значительно преувеличивать логические неудобства такого необходимого разьяснения, так как плохо оценивают реальные преимущества, представляемые преобразованием индукций в дедукции. Тем не менее, нужно открыто признать эту прямую невозможность все приводить к единому положительному закону, как серьезное несовершенство, неизбежное следствие человеческой организации, заставляющей нас применять чрезвычайно слабый ум для объяснения чрезвычайно сложного мира.

20. Но эта бесспорная необходимость, которую важно признать во избежание всякой напрасной затраты умственных сил, нисколько не мешает реальной науке допускать, с другой точки зрения, достаточное философское единство, равносильное тем единствам, какие временно создают теология и метафизика, и, сверх того, чрезвычайно их превосходящее как своей прочностью, так и полнотой. Чтобы понять возможность такого единства и оценить его природу, нужно сначала прибегнуть к блестящему общему различению, установленному Кантом между двумя точками зрения — *объективной* и *субъективной** свойственными всякому исследованию.

Рассматриваемая с одной точки зрения, т. е. со стороны внешнего назначения наших теорий, наша наука как точное представление реального мира, конечно, не поддается полной систематизации, в силу неизбежного различия, существующего между основными явлениями. В этом смысле мы не должны искать другого единства кроме того, какое представляет положительный метод, рассматриваемый в его целом, без притязания на его истинное научное единство, стремясь только к однородности и сходству различных доктрин. Совсем иначе обстоит дело, если наша наука оценивается со второй точки зрения, т. е. со стороны внутреннего источника человеческих теорий, рассматриваемых как естественные результаты нашей умственной эволюции одновременно индивидуальной и коллективной, и предназначенных для нормального удовлетворения каких-либо наших собственных потребностей. Отнесенные таким образом не ко вселенной, а к человеку, или, вернее, к человечеству, наши реальные знания, напротив, стремятся тогда с очевидной самопроизвольностью к полной систематизации, столь же научной, как и логической. Тогда нужно, собственно, рассматривать только одну науку, человеческую науку, или, более точно, социальную, принцип и цель которой составляет наше существование и в которую рациональное изучение внешнего мира естественно входит двояким путем — в виде неизбежного элемента и в виде основного введения, одинаково необходимого как для метода, так и для доктрины, как я это объясню ниже. Именно таким образом наши положительные знания единственно могут образовать истинную систему, которая отличалась бы вполне удовлетворительным характером. Сама астрономия, хотя объективно более совершенная, чем все другие отрасли естественной философии, вследствие своей чрезвычайной простоты является такой только с человеческой точки

зрения; ибо совокупность соображений этого *трактата* даст ясно понять, что она должна была бы, напротив, считаться чрезвычайно несовершенной, если бы ее относить ко вселенной, а не к человеку; ведь и в астрономии все наши реальные знания по необходимости ограничены нашим миром, который, однако, составляет только ничтожный элемент вселенной, исследование которой для нас прямо недоступно. Таково общее направление, которое должно, в конце концов, возобладать в истинно позитивной философии не только в области теорий, непосредственно относящихся к человеку и обществу, но также и в области теорий, касающихся простейших явлений, кажущихся наиболее удаленными от следующей общей идеи: рассматривать все наши умозрения как продукты нашего ума, предназначенные удовлетворять наши различные основные потребности, удаляясь от человека всегда только для того, чтобы к нему вновь возвратиться по изучении других феноменов постольку, поскольку необходимо их знать как для развития наших сил, так и для оценки нашей природы и нашего состояния. Можно поэтому заметить, каким образом преобладающее понятие человечества должно на положительной стадии давать полную систематизацию мысли, по меньшей мере равносильную той, которая окончательно установилась в теологическом фазисе благодаря великой концепции Бога, столь слабо замененной в течение метафизического переходного времени смутной идеей природы.

21. Охарактеризовав таким образом самопроизвольную способность положительного способа мышления строить окончательное единство нашего ума, не трудно будет дополнить это основное объяснение; распространяя его от индивида на род. Это необходимое расширение было до сих пор по существу невозможным для современных философов, которые, будучи сами лишены возможности окончательно выйти из метафизического состояния, никогда не становились на социальную точку зрения, единственно, однако, доступную полной реальности, как научной, так и логической, ибо человек развивается не изолированно, а коллективно. Изгоняя как нечто совершенно бесплодное (или, вернее, глубоко вредное), эту уродливую абстракцию наших психологов или идеологов, систематическая тенденция положительного духа, которую мы только что рассмотрели, приобретает, наконец, всю свою важность, ибо она указывает в нем истинное философское основание человеческой общественности, по крайней мере постольку, поскольку последняя зависит от ума, огромное влияние которого, хотя отнюдь не исключительное, не может подлежать сомнению.

Строить логическое единство каждого изолированного ума или устанавливать продолжительное согласие между различными умами, число которых может оказать существенное влияние лишь на быстроту операции, — это, на самом деле, одна и та же человеческая проблема, только различных степеней трудности. Поэтому-то во все времена тот, кто мог стать достаточно последовательным, тем самым приобретал способность постепенно соединять других в силу основного сходства нашего рода. Теологическая философия была в течение младенческого периода человечества единственно способной систематизировать общество только потому, что она была тогда единственным источником некоторой умственной гармонии. Если же привилегия логического согласования отныне безвозвратно перешла к положительному образу мышления, — что теперь вряд ли может быть серьезно оспариваемо, — то нужно поэтому признать в нем также единый действительный принцип того великого интеллектуального согласия, которое становится необходимым основанием всякой истинной человеческой ассоциации, когда оно надлежащим образом связано с двумя другими основными условиями — достаточным сходством чувств и известным совпадением интересов. Печальное философское положение избранной части человечества достаточно было бы теперь для устранения в этом отношении всякого спора, так как оно обусловлено именно тем обстоятельством, что в настоящее время наблюдается истинная общность мнений только относительно предметов, уже приведенных к положительным теориям, но, к несчастью,

являющихся далеко не самыми важными. Прямое и специальное рассмотрение вопроса легко показало бы, сверх того, что единственно положительная философия может постепенно осуществить этот великий план всемирной ассоциации, который католичество в средние века начертало впервые, но который в основе был по существу несовместим, — как это вполне доказал опыт, — с теологической природой философии католицизма, установившей слишком слабую логическую связь, чтобы быть способной проявить такую социальную силу.

II. Гармония между наукой и искусством, между положительной теорией и практикой

22. Охарактеризовав достаточно основную способность положительного мышления по отношению к умозрительной жизни, нам остается рассмотреть его также в применении к конкретной жизни, где оно, не обнаруживая никакого действительно нового свойства, проявляет гораздо полнее и, в особенности, гораздо определеннее все те качества, которые мы за ним признали. Хотя теологические концепции были даже в этом отношении долгое время необходимы, дабы возбуждать и поддерживать смелость человека косвенной надеждой на своего рода бесконечное господство, тем не менее, именно в данном случае человеческий разум должен был прежде всего засвидетельствовать свое окончательное предпочтение реальным знаниям. В самом деле, положительное изучение природы начинает теперь пользоваться всемирным одобрением, именно как рациональное основание воздействия человечества на внешний мир. Ничто не является в основе более мудрым, чем это грубое и само собой являющееся суждение, ибо такое назначение, когда оно надлежащим образом оценено, неизбежно напоминает, в форме наиболее удачно сокращенной, все великие черты истинного философского духа как относительно рациональности, так и касательно положительности. Естественный порядок, вытекающий в каждом практическом случае из совокупности законов соответственных явлений, должен, очевидно, быть нам сначала хорошо известен для того, чтобы мы могли либо его изменять в наших интересах, либо, по крайней мере, приспособлять к нему наше поведение, если, как и в области небесных явлений, всякое человеческое вмешательство здесь невозможно.

Такое применение в особенности способно сделать широко доступной оценку того рационального предвидения, которое, как мы видели, составляет во всех отношениях главную характерную черту истинной науки, ибо чистая эрудиция, где реальные, но не связанные знания заключаются в фактах, а не в законах, не могла бы, очевидно, удовлетворительно руководить нашей деятельностью. Было бы излишне дольше останавливаться на столь бесспорном объяснении.

Правда, чрезмерное предпочтение, оказываемое теперь материальным интересам, слишком часто приводило к пониманию этой необходимой связи в смысле, сильно компрометирующем будущность науки, порождая стремление ограничивать положительные умозрения исследованиями непосредственной полезности. Но эта бессознательная склонность обусловлена только ложным и узким представлением о важном взаимоотношении науки и *искусства*, страдающим отсутствием достаточно глубокой оценки их значения. Из всех наук астрономия наиболее способна избавиться от такой тенденции, как потому, что ее чрезвычайная простота позволяет лучше уловить ее совокупность, так и в силу большей естественности соответственных применений, которые в течение двадцати веков оказываются очевидно связанными с наиболее возвышенными умозрениями; в настоящей работе мы это дадим ясно понять. Но в особенности важно признать по этому поводу, что основное отношение между наукой и искусством не могло до настоящего времени надлежащим образом быть достигнуто даже

лучшими умами в силу необходимого следствия, вытекающего из недостаточного расширения естественной философии, которая еще остается чуждой наиболее важным и наиболее трудным исследованиям, касающимся непосредственно человеческого общества. В самом деле, рациональная концепция воздействия человека на природу, оставаясь таким образом по существу ограниченной неорганическим миром, вызвала бы слишком слабое научное возбуждение. Когда этот громадный пробел будет достаточно восполнен, когда завершится уже теперь начавшийся процесс, можно будет понять основную важность этого великого практического назначения, — обычно побуждать и часто даже лучше направлять наиболее выдающиеся умозрения при одном нормальном условии постоянной положительности. Ибо искусство будет тогда не исключительно геометрическим, механическим или химическим и т. д., но также и, в особенности, политическим и моральным, так как главная деятельность человечества должна во всех отношениях состоять в непрерывном улучшении своей собственной индивидуальной или коллективной природы в пределах, указываемых, как во всех других случаях, совокупностью всех реальных законов. Когда эта сама собой возникающая солидарность науки с искусством сможет быть надлежащим образом организована, то не подлежит сомнению, что, весьма далекая от стремления ограничивать здоровые философские умозрения, она, напротив, предназначила бы им окончательную функцию, слишком превосходящую их действительные силы, если бы наперед не была признана, как общий принцип, невозможность сделать когда-либо искусство чисто рациональным, т. е. поднять наши теоретические предвидения на действительный уровень наших практических потребностей. Даже в наиболее простых и наиболее совершенных искусствах прямое и самопроизвольное развитие остается всегда необходимым, и научные указания ни в коем случае не могут совершенно заменять такое название. Как бы удовлетворительны ни стали, например, наши астрономические предвидения, их точность является еще и, вероятно, будет всегда ниже наших справедливых практических требований, как мне часто придется на это в дальнейшем указывать.

23. Эта самопроизвольная тенденция непосредственно построить полную гармонию между умозрительной и конкретной жизнью должна быть окончательно рассматриваема как наиболее счастливая привилегия положительного духа, и никакое другое свойство не может столь же хорошо обнаружить истинный характер его, а также облегчить его реальное влияние.

Наш умозрительный пыл, таким образом, поддерживается и даже руководится могучим и непрерывным возбуждением, без которого естественная косность нашего ума расположила бы его удовлетворять свои слабые теоретические потребности легкими, но недостаточными объяснениями, между тем как мысль об окончательном действии напоминает всегда условие — соблюдать надлежащую точность. В то же время это великое практическое назначение дополняет и ограничивает в каждом случае основное предписание, относящееся к открытию естественных законов, способствуя определению, согласно требованиям применения, степени точности и обширности нашей рациональной предусмотрительности, правильное измерение которой не могло бы быть вообще установлено другим путем.

Если, с одной стороны, научное совершенствование не может перейти этот предел, ниже которого оно, напротив, всегда действительно будет находиться, то оно не могло бы, с другой, его открыть, не рискуя тотчас впасть в слишком мелочную оценку, столь же нелепую, сколь бесплодную, которая даже окончательно поколебала бы доверие ко всем основаниям истинной науки, так как наши законы могут всегда представлять явления только с известным приближением, дальше которого было бы так же опасно, как и бесполезно, углублять наши исследования. Когда это основное отношение науки к искусству будет надлежащим образом систематизировано, оно иногда, без сомнения, будет стремиться дискредитировать теоретические попытки, коренная бесплодность

которых была бы бесспорна; но далекое от того, чтобы создавать какое-либо реальное затруднение, это неизбежное направление станет тогда чрезвычайно благоприятным для наших истинных умозрительных интересов, предупреждая напрасную затрату наших слабых умственных сил, обуславливаемую теперь очень часто слепой специализацией. В своей предварительной эволюции человеческий разум должен был отдаваться всюду вопросам, ставшим для него доступными, не вдаваясь слишком в оценку их окончательной важности и не зная их собственного отношения к совокупности, которая сначала не могла быть замечена. Но этот временный инстинкт, без которого наука часто нуждалась бы тогда в надлежащей пище, должен будет, в конце концов, подчиниться справедливой систематической оценке, коль скоро полная зрелость положительного состояния позволит в достаточной степени уловить всегда истинные основные отношения каждой части к целому, с тем, чтобы постоянно доставлять широкое назначение наиболее глубоким исследованиям, избегая, однако, всякого ребяческого умозрения.

24. Относительно этой тесной гармонии между наукой и искусством важно, в особенности, отметить обуславливаемую ею счастливую тенденцию развивать и укреплять социальное влияние здоровой философии в силу следствия, само собой вытекающего из возрастающего преобладания, очевидно приобретаемого промышленной жизнью в нашей современной цивилизации. Теологическая философия могла действительно соответствовать только той необходимой эпохе предварительной общественности, когда человеческая деятельность должна была быть преимущественно военной, дабы постепенно подготовить нормальное и совершенное общество, которое, согласно исторической теории, установленной мною в другом месте, не могло сначала существовать.

Политеизм преимущественно приспособлялся к древней завоевательной системе, а монотеизм — к средневековой оборонительной организации. Доставляя все большее и большее преобладание промышленной жизни, новейшая общественность должна таким образом сильно благоприятствовать великому перевороту в области мысли, окончательно поднимающему теперь наш ум от теологического к положительному состоянию. Это деятельное повседневное стремление к практическому улучшению человеческого существования не только мало совместимо с религиозными предубеждениями, всегда преследующими, в особенности при монотеизме, совершенно другие цели, но такая деятельность, сверх того, способна по своей природе породить, в конце концов, всемирную оппозицию всякой теологической философии, столь же радикальную, как и естественную. В самом деле, с одной стороны промышленная жизнь в основе прямо противоречит всякому провиденциальному оптимизму, ибо она необходимо предполагает, что естественный порядок достаточно несовершенен для того, чтобы непрерывно требовать человеческого вмешательства, между тем как теология логически не допускает другого средства изменения, как обращение за содействием к сверхъестественной силе. С другой стороны, это противоречие, присущее совокупности наших промышленных концепций, непрерывно воссоздается в чрезвычайно разнообразных формах в процессе совершения наших операций, где мы должны рассматривать внешний мир не как руководимый каким-либо произволом, но как подчиненный законам, позволяющим нам выработать достаточную предусмотрительность, без которых наша практическая деятельность была бы лишена всякого разумного основания. Таким образом, то же самое основное соотношение, которое делает промышленную жизнь столь благоприятной философскому влиянию положительного мышления, внушает ей, в то же время, антитеологическую тенденцию, более или менее резкую, но рано или поздно неизбежную, каковы бы ни были беспрестанные мудрые усилия духовенства сдержать или умерить антипромышленный характер первоначальной философии, сносно уживаться с которой мог только воинственный быт. Такова тесная солидарность, которая издавна заставляет все современные умы, даже наиболее примитивные и наиболее упрямые, невольно

участвовать в постепенной замене древней теологической философии философией вполне положительной, единственно отныне способной оказывать действительное социальное влияние.

III. Окончательная несовместимость науки с теологией

25. Нам, таким образом, остается пополнить, наконец, непосредственную оценку истинного философского духа одним последним объяснением, которое, являясь преимущественно отрицательным, становится, тем не менее, действительно необходимым здесь, чтобы закончить полную характеристику природы и условий великого умственного обновления, необходимого теперь избранной части человечества. Это объяснение непосредственно обнаруживает окончательную несовместимость положительных концепции с какими бы то ни было теологическими воззрениями, как монотеистическими, так и политеистическими или фетишистскими. Различные соображения, приведенные в настоящем рассуждении, уже приблизительно доказали невозможность какого-либо продолжительного согласования между двумя философиями, как со стороны метода, так и со стороны доктрины, так что всякое сомнение на этот счет может быть здесь легко рассеяно. Без сомнения, наука и теология вначале не находятся в открытой вражде, так как они не ставят себе одинаковых вопросов, именно это обстоятельство долгое время позволяло положительному мышлению делать частичные успехи, не взирая на общее господство теологической философии, и даже во многих отношениях под ее предварительным покровительством. Но когда рациональный позитивизм, ограниченный сначала скромными математическими исследованиями, которыми пренебрегала теология, начал распространяться на прямое изучение природы, в особенности посредством астрономических теорий, столкновение стало неизбежным, хотя оставалось скрытым, — в силу основного контраста, одновременно научного и логического, прогрессивно развивающегося с этого момента между двумя кругами идей. Логические мотивы, на основании которых наука наотрез отказывается от всяких таинственных проблем, являющихся существенным предметом занятий для теологии, сами по своей природе способны рано или поздно дискредитировать в глазах всех здравомыслящих людей умозрения, изгоняемые только потому, что они безусловно недоступны человеческому разуму. Сверх того, мудрая осторожность, с которой положительное мышление постепенно оперирует над чрезвычайно легкими предметами, должна косвенно заставить оценить безрассудную смелость теологии по отношению к наиболее трудным вопросам. Однако, для большинства умов, обращающих обыкновенно слишком мало внимания на методологические разногласия (хотя последние, являясь необходимым источником всех других, суть наиболее серьезные), — для большинства умов несовместимость этих двух философий должна вполне выясниться преимущественно из доктрин. А под этим новым углом зрения невозможно отрицать коренное противоречие этих двух классов концепций, где одни и те же явления то приписываются произвольным велениям, то приводятся к неизменным законам. Причудливая изменчивость, естественно присущая всякой идее произвола, никоим образом не может согласоваться с постоянством реальных отношений. Поэтому, по мере того, как физические законы становились известными, господство сверхъестественной воли все более и более ограничивалось и признавалось всегда преимущественно по отношению к явлениям, законы которых оставались неоткрытыми. Эта несовместимость становится непосредственно очевидной, если противопоставить рациональное предвидение, составляющее главную характерную черту истинной науки, пророчеству, вытекающему из специального откровения, которое теология вынуждена представить как единственное правильное средство узнавать будущее. Правда, положительный дух, достигши своей полной зрелости, стремится также подчинять самое

волю истинным законам, существование которых действительно молча предполагается примитивным разумом, ибо иначе практические усилия изменять и предвидеть человеческие хотения не имели бы никакого разумного основания. Но такое понятие отнюдь не приводит к примирению этих двух противоположных способов, согласно которым наука и теология необходимо рассматривают действительное управление различными явлениями. Ибо подобное предвидение и вытекающее отсюда поведение требуют, очевидно, глубокого реального знания существа, в котором эти хотения рождаются. А создать это предварительное основание могло бы существо, по меньшей мере равное, рассматриваемое таким образом по сходству, невозможно предположить это сходство по отношению к существу низшего порядка, и противоречие увеличивается наряду с неравенством природы. Поэтому притязания теологии всегда проникать в предначертания Провидения были совершенно безрассудны, подобно тому, как было бы нелепо предположить у низших животных способность предвидеть желания человека или других высших животных. Однако именно к этой бессмысленной гипотезе неминуемо пришлось бы прибегнуть для окончательного согласования теологического духа с положительным.

26. Их коренное, применимое ко всем существенным фазисам первоначальной философии противоречие, рассматриваемое исторически, издавна было общепризнано относительно тех ее стадий, которые уже совершенно миновали наиболее передовые народы. Несомненно даже, что касательно последних слишком преувеличили эту несовместимость, вследствие абсолютного презрения, которое наши монотеистические привычки внушают нам к первым состояниям теологического режима. Здоровая философия, обязанная всегда оценивать необходимую форму, в которой каждый из великих последовательных фазисов развития человечества действительно содействовал нашей основной эволюции, заботливо устранил эти несправедливые предрассудки, мешающие всякой истиной исторической теории. Но хотя политеизм и даже фетишизм сначала действительно благоприятствовали самопроизвольному подъему духа наблюдения, должно, однако, признать, что они не могли быть истинно совместимыми с постепенно создающимся сознанием несовместимости физических отношений, тотчас, как это сознание сумело приобрести некоторое систематическое постоянство. Поэтому нужно рассматривать это неизбежное противоречие как тайный источник различных преобразований, которые последовательно разложили теологическую философию, все более и более суживая ее. Здесь уместно пополнить необходимое объяснение, приведенное в начале этого *рассуждения*, где это постепенное разрушение было главным образом приписано метафизике в собственном смысле, которая в сущности могла быть только простым орудием, но никак не истинным фактором. Нужно заметить, что положительный дух вследствие отсутствия обобщения, долженствовавшего характеризовать его медленную частичную эволюцию, не мог надлежащим образом формулировать свои собственные философские стремления, едва ставшие заметными в течение этих последних веков. Отсюда вытекала настоятельная необходимость вмешательства метафизики, которая единственно могла соответственно систематизировать само собой возникающий антагонизм между рождающейся наукой и древней теологией. Но, хотя такая функция должна была побуждать слишком преувеличивать действительную важность этой философии переходного времени, легко, однако, признать, что единственно естественный прогресс реальных знаний сообщал серьезность и прочность ее шумливой деятельности. Этот непрерывный прогресс, который, в сущности, вначале и обусловил преобразование фетишизма в политеизм, преимущественно составлял затем существенный источник превращения политеизма в монотеизм. Так как столкновение должно было совершиться главным образом на почве астрономических теорий, то этот *трактат* доставит мне естественный случай охарактеризовать точную степень их развития, единственно действительно

определившего безвозвратный умственный упадок политеистического режима, который мы тогда признаем логически несовместимым с окончательным основанием математической астрономии школой Фалеса.

27. Рациональное изучение этого критического направления ясно доказывает, что оно не могло ограничиваться древней теологией, и что оно должно было затем распространиться и на монотеизм, хотя его энергия должна была, одновременно, в нем с необходимостью убывать по мере того, как теологический дух продолжал дряхлеть в силу того же самопроизвольного прогресса. Без сомнения, этот крайний фазис первоначальной философии был гораздо менее, чем предшествовавшие ему, противен подъему реальных знаний, не встречавших более на каждом шагу опасного соперничества в виде специально сформулированного сверхъестественного объяснения. Поэтому-то именно при монотеистическом режиме должна была завершиться предварительная эволюция положительного мышления. Но несоответствие, став менее резким и более запоздалым, оставалось, тем не менее, окончательно неизбежным даже накануне той эпохи, когда новая философия стала достаточно общей, чтобы принять истинно органический характер, безвозвратно заменяя теологию в ее социальной функции, также как и в ее умственном назначении. Так как спор должен был еще преимущественно вестись на почве астрономии, то я покажу здесь с точностью, какая более ранняя эволюция необходимо обусловила распространение — до более простого монотеизма — ее коренного противоречия, касавшегося прежде только политеизма в собственном смысле: тогда ясно станет, что это неизбежное влияние вытекает из открытия двойного движения Земли, последовавшего вскоре после основания небесной механики. Можно утверждать, что при настоящем состоянии человеческого разума монотеистический образ мышления, благоприятствовавший в течение долгого времени первоначальному подъему реальных знаний, сильно препятствует систематическому ходу, который они должны отныне принять, мешая основному сознанию неизменности физических законов приобрести, наконец, свою необходимую философскую полноту. Ибо постоянная мысль о внезапном произвольном возмущении в естественной экономии должна всегда оставаться нераздельной, по крайней мере, скрытно, со всякой, какой бы то ни было, теологической идеей, хотя бы даже по возможности сокращенной. Не будь, в самом деле, этого препятствия, которое может быть устранено только при полном упразднении теологического духа, повседневное зрелище реального порядка вызвало бы уже теперь всеобщее согласие с основным принципом положительной философии. 28. Задолго до того момента, когда развитие науки позволило непосредственно оценить это коренное противоречие, метафизика, руководимая своим тайным побуждением, пыталась сузить, в недрах самого монотеизма, влияние теологии, доставляя в последний период средневековья отвлеченное преобладание знаменитой схоластической доктрины, подчиняющей действия верховного руководителя неизменным законам, которые он первоначально установил, запретив себе их когда-либо изменять. Но это своего рода самопроизвольное соглашение между теологическим принципом и положительным мышлением очевидно могло иметь только кратковременное существование, способное более облегчить непрерывное падение одного и постепенное торжество другого. Его господству существенно подчинились только просвещенные умы, ибо, покуда вера действительно существовала, народный инстинкт должен был всегда энергично отвергать концепцию, которая в сущности стремилась свести на нет власть Провидения, обрекая его на величавую неподвижность, и которая предоставляла всю обычную деятельность великой метафизической сущности — Природе, приобщая ее таким образом к правильному управлению вселенной в качестве обязательного и ответственного министра, к которому отныне должна была направляться большая часть жалоб и просьб. Мы видим, что эта концепция во всех существенных точках зрения очень похожа на идею конституционного монарха, приобретающую при современном положении вещей все

более и более преобладания; и эта аналогия отнюдь не случайная, ибо теологический порядок явился рациональным основанием политического строя. Эта противоречивая доктрина, разрушающая социальную силу теологического принципа, но не освещающая основного превосходства положительного мышления, не может соответствовать никакому истинно нормальному и продолжительному состоянию: она составляет только наиболее могучее из средств перехода, годных для последней необходимой разрушительной работы метафизического мышления.

29. Наконец, неизбежное несоответствие науки с теологией должно было также обнаружиться в другой общей форме, специально приспособленной к монотеистическому состоянию, вскрывая все более и более коренное несовершенство реального порядка, так резко противоречащего необходимому провиденциальному оптимизму. Этот оптимизм должен был, без сомнения, оставаться долгое время согласимым с самопроизвольным развитием положительных знаний, ибо первый анализ природы должен был тогда внушать всюду наивное восхищение при виде того, как совершаются главные явления, составляющие действительный порядок. Но это первоначальное направление так же неизбежно затем исчезает по мере того, как положительное мышление, принимая все более и более систематический характер, заменяет постепенно догму о конечных причинах принципом *условий существования*, обладающим в наивысшей степени всеми логическими свойствами этой догмы и не страдающим ни одним из серьезных научных недостатков. Тогда перестают удивляться тому, что организация естественных существ оказывается устроенной так, что в каждом случае зависящие от них явления могут совершаться беспрепятственно. Изучая внимательно эту неизбежную гармонию с единственным намерением лучше познать ее, люди, в конце концов, замечают коренные несовершенства, которыми во всех отношениях отличается реальный порядок, почти всегда уступающий в мудрости искусственной экономии, устанавливаемой нашим слабым человеческим вмешательством в ограниченных, доступных ему пределах. Так как эти естественные пороки должны быть тем больше, чем сложнее рассматриваемые явления, то неопровержимые указания, которые дает нам в этом отношении совокупность астрономических знаний, будут достаточны здесь для того, чтобы дать возможность предвидеть, насколько подобная оценка должна распространиться с новой философской энергией на все другие основные части реальной науки. Но в особенности важно понять, что вообще эта критика имеет не только временное значение в качестве антитеологического средства. Она связывается более тесно и более прочно с основным духом положительной философии в общем отношении, существующем между умозрением и действием. Если, с одной стороны, наше постоянное активное вмешательство покоится прежде всего на точном знании естественной экономии, лишь прогрессивным улучшением которой должна являться во всех отношениях наша искусственная экономия, то, с другой, не менее ясно, что мы, таким образом, предполагаем необходимое несовершенство того самопроизвольного порядка, постепенное изменение которого является повседневной цепью наших индивидуальных и коллективных усилий.

Оставляя в стороне всякую временную критику, справедливая оценка различных недостатков, свойственных действительному устройству реального мира, должна, таким образом, отныне рассматриваться как присущая совокупности положительной философии даже относительно недоступных нашим слабым средствам усовершенствования случаев, дабы лучше познать как наше основное состояние, так и существенное назначение нашей непрерывной деятельности.

Глава третья

1. О слове «положительное»: его различные значения определяют свойства истинного философского мышления

30. Само собой получающееся стечение различных общих соображений, приведенных в этом рассуждении, позволяет с достаточной полнотой охарактеризовать здесь все главные черты истинного философского мышления, достигающего теперь, после медленной предварительной эволюции, своего систематического состояния.

В виду очевидной необходимости, в которую мы отныне поставлены, — квалифицировать его обыкновенно кратким специальным наименованием, — я должен был предпочесть то, которое, благодаря предварительной работе последних трех веков, приобрело драгоценное свойство кратко и, по возможности, лучше выражать его основные атрибуты. Как все народные выражения, возвышенные таким образом постепенно до философского достоинства, слово *положительное* (*positif*) имеет в наших западных языках много различных значений, даже если отбросить грубый смысл, придаваемый ему сначала мало просвещенными людьми. Но важно отметить здесь, что все эти различные значения соответствуют, равным образом, новой общей философии, различные характерные свойства которой они попеременно выражают. Таким образом, эта кажущаяся двусмысленность отныне не создает никакого реального неудобства. В ней, напротив, нужно будет усматривать один из главных примеров этой удивительной сжимаемости формул, благодаря которой у передовых народов под одним общеупотребительным выражением соединяется много разных значений, когда общественный рассудок сумел признать их постоянную связь.

31. Рассматриваемое сначала в его более старом и более общем смысле, слово *положительное* означает *реальное* в противоположность химерическому. В этом отношении оно вполне соответствует новому философскому мышлению, характеризующему тем, что оно постоянно посвящает себя исследованиям, истинно доступным нашему разуму, и неизменно исключает непроницаемые тайны, которыми он преимущественно занимался в период своего младенчества. Во втором смысле, чрезвычайно близком к предыдущему, но, однако, от него отличным, это основное выражение указывает на контраст между *полезным* и *негодным*. В этом случае оно напоминает в философии о необходимом назначении всех наших здоровых умозрений — беспрерывно улучшать условия нашего действительного индивидуального или коллективного существования, вместо напрасного удовлетворения бесплодного любопытства. В своем третьем обычном значении это удачное выражение часто употребляется для определения противоположности между *достоверным* и *сомнительным*, оно указывает, таким образом, характерную способность этой философии самопроизвольно создавать между индивидуумом и духовной общностью целого рода логическую гармонию взамен тех бесконечных сомнений и мышления. Четвертое обыкновенное значение, очень часто смешиваемое с предыдущим, состоит в противопоставлении *точного* смутному. Этот смысл напоминает постоянную тенденцию истинного философского мышления добиваться всюду степени точности, совместимой с природой явлений и соответствующей нашим истинным потребностям; между тем как старый философский метод неизбежно приводит к сбивчивым мнениям, признавая необходимую дисциплину только в силу постоянного давления, производимого на него сверхъестественным авторитетом.

32. Наконец, нужно отметить особо пятое применение, менее употребительное, чем другие, хотя столь же всеобщее — когда слово *положительное* употребляется как

противоположное *отрицательному*. В этом случае оно указывает одно из наиболее важных свойств истинной новой философии, представляя ее как назначенную, по своей природе, преимущественно не разрушать, но *организовать*. Четыре общие характерные черты, которые мы только что отметили, отличают ее одновременно от всех возможных форм, как теологических, так и метафизических, свойственных первоначальной философии. Последнее же значение, указывая, сверх того, постоянную тенденцию нового философского мышления, представляет теперь особенную важность для непосредственного определения одного из его главных отличий уже не от теологической философии, которая была долгое время органической, но от метафизического духа в собственном смысле, который всегда мог быть только критическим. Каково бы, в самом деле, ни было разрушительное действие реальной науки, это ее влияние было всегда косвенным и второстепенным: сама ее недостаточная систематизация не позволяла ей до сих пор носить иной характер; и великая органическая функция, выпавшая ей теперь на долю, отныне оказалась бы в противоречии с таким побочным качеством, которое она, сверх того, стремится сделать излишним. Правда, здоровая философия коренным образом изгоняет эти вопросы, неизбежно неразрешимые, но, мотивируя необходимость отбрасывать их, она избегает надобности в том или ином смысле их отрицать, что было бы противно тому систематическому упразднению, в силу которого должны пасть все мнения, действительно не поддающиеся обсуждению. Более беспристрастная и более терпимая относительно каждого из них, в виду ее общего безразличия (отношение, которым не могут похвастать их разномыслящие приверженцы), она задается целью исторически оценить их взаимное влияние, условия их продолжительного существования и причины их упадка. При этом она никогда ничего безусловно не отрицает даже там, где речь идет об учениях, наиболее противных современному состоянию человеческого разума у избранной части народов; именно таким образом она отдает сугубую справедливость не только различным системам монотеизма вроде той, которая на наших глазах доживает свои последние минуты, но также верованиям политеизма или даже фетишизма, относя их всегда к соответственным фазисам основной эволюции. С догматической стороны она, сверх того, держится того взгляда, что всякие, какие бы-то ни было, концепции нашего воображения, по своей природе неизбежно недоступных никакому наблюдению и не могут поэтому подлежать ни действительно решительному отрицанию, ни такому же утверждению. Никто, без сомнения, никогда логически не доказал несуществования Аполлона, Минервы и т. д., ни небытия восточных фей или различных героев поэтических вымыслов; тем не менее, это обстоятельство нисколько не помешало человеческому разуму безвозвратно оставить древние учения, когда они, наконец, перестали соответствовать его состоянию.

33. Единственная существенная характерная черта нового философского мышления, которая не была бы еще непосредственно указана словом положительное, состоит в его необходимой тенденции заменять всюду абсолютное относительным. Но это великое свойство, одновременно научное и логическое, до того присуще основной природе реальных знаний, что его общее рассмотрение не замедлит войти в тесную связь с различными взглядами, уже вошедшими в сочетание этой формулы, когда новый строй мысли, до сих пор частичный и эмпирический, перейдет повсюду к систематическому утверждению. Пятое значение, которое мы только что рассмотрели, в особенности способно определять эту сжатость вполне установленного нового философского языка по очевидному сходству двух свойств. Понятно, в самом деле, что абсолютная природа древних учений, как теологических, так и метафизических, неизбежно обуславливала отрицательное отношение каждого из них ко всем другим, так как иначе им угрожало самим вырождаться в бессмысленный эклектизм. Напротив, именно в силу относительности своего духа новая философия может всегда входить в оценку собственного достоинства противных теорий, не склоняясь, однако, никогда к напрасным

уступкам, могущим затемнять ясность ее взглядов и ослаблять твердость ее решений. Позволительно, таким образом, на основании всего предшествовавшего специального рассмотрения предположить, что употребляемая здесь формула для обычного определения этой окончательной философии будет иметь в умах всех здравомыслящих полное действительное сочетание ее различных характерных свойств.

II. Соотношение — вначале самопроизвольное, затем систематическое — между положительным мышлением и всеобщим здравым смыслом

34. При исследовании основного начала этого философского метода приходится вскоре признать, что его самопроизвольное зарождение действительно совпадает с первоначальными практическими упражнениями человеческого разума: ибо совокупность объяснений, приведенных в этом «слове», ясно доказывает, что все главные свойства этого метода в сущности ничем не отличаются от свойств всеобщего здравого смысла. Не взирая на умственное влияние наиболее грубой теологии, повседневное течение действительной жизни должно было относительно каждого класса явлений указывать всегда некоторые признаки естественных законов и порождать соответственные предвидения в некоторых частных случаях, казавшихся тогда только второстепенными или исключительными, — а таковы, действительно, необходимые зародыши положительной философии, долженствовавшей долгое время оставаться эмпирической, прежде, чем она смогла стать рациональной. Весьма важно понять, что в существе дела истинный философский дух всюду состоит преимущественно в систематическом расширении простого здравого смысла на все действительно доступные умозрения. Их область совершенно тождественна, ибо величайшие вопросы здоровой философии связываются всюду с простейшими явлениями, по отношению к которым искусственные случаи составляют только более или менее необходимое приготовление. И тот, и другой имеют одну и ту же экспериментальную точку отправления, преследуют одну и ту же цель — объединять и предусматривать, оба одинаково постоянно заботятся о реальности и окончательным пределом своих стремлений равным образом считают полезность. Все их существенное различие заключается в систематической общности одного, зависящей от его необходимой отвлеченности, противоположной несвязной специализации другого, всегда занятого конкретным.

35. С догматической стороны эта основная связь представляет науку в собственном смысле слова, как простое методическое продолжение всеобщей мудрости. Поэтому здоровые философские умозрения, далекие от того, чтобы когда-либо подвергать сомнению вопросы, которые верно разрешила такая мудрость, заимствуют всегда у простого рассудка свои первоначальные понятия, дабы возвести их путем систематической обработки на степень общности и постоянства, которой они сами собой не могли достигнуть. В течение всего процесса этой обработки постоянный контроль этой примитивной мудрости имеет, сверх того, чрезвычайную важность, как порождаемый потребностью или фантазией, которые часто оказывают свое влияние при непрерывном состоянии отвлечения, необходимом для философской деятельности. Несмотря на их необходимое свойство, собственно здравый смысл преимущественно заботится о реальности и полезности, между тем как специально философское мышление более занимается оценкой общности и связи так что их двоякое повседневное взаимодействие становится одинаково благотворным для каждого из них, укрепляя их основные качества, которые иначе естественно изменялись бы. Это отношение ясно указывает, насколько тщетны и бесплодны спекулятивные исследования, имеющие предметом *первичные основоположения* какого-либо вопроса, которые, долженствуя всегда исходить из народной мудрости, не принадлежат никогда к области истинной науки; они, напротив,

составляют ее сами собой являющиеся основания и поэтому не подлежат обсуждению; это положение устраняет массу праздных или опасных споров, оставленных нам прежним строем мышления. Можно равным образом понять совершенную и окончательную тщетность всех предварительных изучение, относящихся к отвлеченной логике, где речь идет об оценке истинного философского метода независимо от применения его к какому-либо классу явлений. В самом, деле, единственные истинно общие принципы, которые можно было бы установить в этом отношении, сводятся, как это легко проверить на наиболее знаменитых из этих афоризмов, к некоторым бесспорным, но очевидным правилам, заимствованным у здравого смысла и в действительности ничего, существенного не добавляющим к указаниям, вытекающим у всех разумных людей из простой самопроизвольной деятельности мышления. Что касается способа приспособлять эти всеобщие правила к различным классам наших положительных умозрений (это составляло бы истинную ценность и реальную полезность таких логических предписаний), то он мог бы быть подвергнут действительной оценке только после специального анализа соответственных знаний, сообразно со специфической природой рассматриваемых явлений. Здоровая же философия никогда не отделяет логики от науки; и так как метод и доктрина могут в каждом случае быть правильно оценены только по их действительным взаимным отношениям, то, в сущности, невозможно придавать логике, как и науке, всеобщий характер посредством чисто отвлеченных концепций, независимых от всяких определенных явлений; попытки этого рода показывают еще тайное явление абсолютного духа, присущего теолого-метафизическому образу мышления.

36. Эта тесная естественная солидарность между духом, свойственным истинной философии, и всеобщим простым здравым смыслом, рассматриваемая теперь исторически, показывает самопроизвольное зарождение положительного духа, действительно обусловленное всюду специальным воздействием практического рассудка на теоретический разум, первоначальный характер которого таким образом изменялся все более и более. Но это постепенное превращение не могло происходить ни одновременно, ни, в особенности, с одинаковой скоростью по отношению к различным классам отвлеченных умозрений, которые первоначально, как мы это признали, все были теологическими. Постоянное конкретное побуждение могло заставить положительный дух проникать туда только согласно определенному порядку, который соответствовал возрастающей сложности явлений и который ниже будет объяснен непосредственно. Отвлеченное положительное мышление, по необходимости рожденное в простейших математических исследованиях и распространенное затем путем само собой возникающего сходства или инстинктивного подражания, могло, таким образом, сначала носить только специальный и, во многих отношениях даже эмпирический характер, который должен долгое время скрывать от большей части его сторонников как его неизбежную несовместимость первоначальной философией, так и, в особенности его основное стремление создать новый логический строй. Его непрерывные успехи под возрастающим давлением здравого смысла могли тогда непосредственно обусловить лишь предварительное торжество метафизического духа, предназначенного, в силу своей самопроизвольной общности, служить ему философским орудием в течение веков, протекших между теоретическим подготовлением монотеизма и его полным социальным установлением, после чего онтологический порядок, достигнув наибольшего влияния, какого только допускала его природа, вскоре становился угнетающим для научного подъема, которому он дотоле благоприятствовал. Поэтому положительный дух мог достаточно проявить свою собственную философскую тенденцию только тогда, когда это угнетение заставило его, наконец, вступить в специальную борьбу с метафизическим направлением, с которым он должен был долгое время казаться смешанным. Вот почему первоначальное систематическое основание положительной философии не может восходить дальше памятного кризиса, когда совокупность онтологического порядка

начала во всей Западной Европе изнемогать под натиском самих собою сочетавшихся двух замечательных умственных течений — одного научного, созданного Кеплером и Галилеем, другого философского, обязанного своим возникновением Бэкону и Декарту. Несовершенное метафизическое единство, построенное к концу средних веков, было отныне безвозвратно разрушено подобно тому, как греческая онтология уже навсегда разрушила великое теологическое единство, соответствовавшее политеизму. Начиная с этого действительно решительного кризиса, положительная философия выросла в течение двух веков больше, чем она могла это сделать в продолжение всего своего долгого прошлого, и отныне допускает возможность существования только такого единства, которое вытекало бы из ее собственного всеобщего влияния. И каждая новая область, последовательно приобретаемая ею, никогда более не может возвратиться ни к теологии, ни к метафизике в силу все чаще наблюдающегося окончательного признания этих возрастающих приобретений здравым смыслом каждого. Именно только путем такой систематизации теоретическая мудрость, обобщая и укрепляя, действительно доставит практическому благоразумию достойную и равносильную компенсацию за важные услуги, оказанные ей последним, сообщавшим ее деятельности реальность и силу в течение ее медленного и постепенного зарождения; по правде сказать, положительные понятия, полученные за последние два века, гораздо более ценны как будущие материалы новой общей философии, чем по их непосредственному и специальному достоинству, так как большая часть из них не приобрела еще своего окончательного характера — ни научного, ни даже логического.

37. Таким образом, совокупность нашей умственной эволюции и, в особенности, великое движение, совершившееся в Западной Европе, начиная от Декарта и Бэкона, отныне не допускают другого возможного исхода, как создать, наконец, после стольких необходимых предварительных подготовлений, истинно нормальный строй человеческого разума, сообщая положительному мышлению еще недостающие ему полноту и рациональность, дабы установить между философским гением и всеобщим здравым смыслом гармонию, которая до пор никогда не могла существовать в достаточной мере. А изучая эти два одновременные условия полноты и систематизации, которые реальная наука должна теперь выполнить для того, чтобы возвыситься до достоинства истинной философии, приходится скоро признать, что они окончательно совпадают. В самом деле, с одной стороны, великий первоначальный кризис новейшей положительной философии оставил вне научного движения в собственном смысле слова только моральные и социальные теории, пребывающие поэтому в неразумной изолированности под бесплодным господством теолого-метафизического духа; таким образом, именно в возвышении последних также на положительную стадию должно было бы состоять в наше время последнее доказательство истинного философского мышления, последовательное распространение которого на все другие основные явления уже достаточно подготовлено. Но, с другой стороны, это последнее расширение естественной философии само собой стремилось тотчас же систематизировать ее, выстраивая единую, как научную, так и логическую точку зрения, которая могла бы господствовать над совокупностью наших реальных умозрений, всегда необходимо превращаемых в человеческий, т. е. социальный взгляд, единственно способный стать активно всеобщим. Такова двоякая философская цель основного, одновременно частного и общего преобразования, которое я осмелился предпринять в моем большом труде, указанном в начале этого *Слова*: наиболее выдающиеся современные мыслители считают эту задачу достаточно выполненной, так как уже установлены истинные и непосредственные основания полного умственного обновления, которое было предложено Бэконом и Декартом, но окончательное осуществление которого выпало на долю нашего века.

Часть вторая

Социальное превосходство положительного мышления

Глава первая

Организация переворота

38. Для того, чтобы окончательная систематизация человеческих понятий была теперь надлежащим образом охарактеризована, недостаточно рассмотреть, как мы это только что сделали, ее теоретическое назначение; нужно также оценить здесь ясно, хотя и вкратце, ее необходимую способность указать единственный действительно возможный интеллектуальный выход из бесконечного социального кризиса, развившегося за последние полвека во всей Западной Европе и, в особенности, во Франции.

I. Бессилие современных школ

39. В продолжение последних пяти веков постепенно совершалось безвозвратное разрушение теологической философии, и в то же время политическая система, идейным основанием которой она являлась, все более и более подвергалась не менее коренному разложению, шедшему равным образом под знаменем метафизического мышления. Существенными и солидарными орудиями этого двоякого отрицательного движения были, с одной стороны, университеты, сначала созданные духовенством, но вскоре выступившие его яркими противниками, а, с другой стороны, различные корпорации легистов, постепенно проникавшиеся враждой к феодальным властям. Только по мере того, как распространялся дух критики, ее деятели, не изменяясь по существу, становились более многочисленными и менее высокими по своему уровню, так, в XVIII веке главная революционная деятельность должна была перейти в области философии от ученых в собственном умысле к обыкновенным литераторам а, затем, в политике — от судей к адвокатам. Великий окончательный кризис³ начался неизбежно, когда общий упадок — сначала случайный, а затем систематический, — упадок, которому, сверх того, различно способствовали все классы нового общества, достиг, наконец, такой степени, когда стала ясной невозможность сохранить старый порядок, и резко выступила настоятельная потребность в новом. С момента своего зарождения этот кризис постоянно стремился превращать в широкое органическое движение критическое направление предшествовавших пяти веков, представляясь по преимуществу предназначенным непосредственно произвести социальное преобразование, почва для которого тогда уже вполне была подготовлена предыдущей отрицательной деятельностью. Но это решительное обновление хотя и становилось все более и более настоятельным, должно было оставаться до сих пор в существе своем невозможным, в виду отсутствия философии, действительно способной доставить ему необходимое идейное основание. Даже в то время, когда достаточно продвинувшееся вперед предварительное разложение побуждало отвергнуть обусловившие его чисто

³ Революция 1789 г.

отрицательные учения, — роковое заблуждение, тогда неизбежное, приводило, напротив, к тому, что метафизическому мышлению, единственно действовавшему в течение этого долгого подготовительного периода, сама собой предоставлялась общая руководящая роль в преобразовательном движении. Когда вполне решительный опыт навсегда констатировал полную органическую несостоятельность такой философии, то отсутствие всякой другой теории сначала не позволяло удовлетворять уже возобладавшим требованиям порядка другим путем, кроме временного восстановления в некотором роде той самой идейной и социальной системы, непоправимое падение которой обусловило наступление кризиса. Наконец, развитие этого попятного движения должно было затем вызвать памятную манифестацию⁴, которую наши недочеты в области философии сделали столь же необходимой, как и неизбежной, дабы непреложно доказать, что прогресс составляет, совершенно так же, как и порядок, одно из двух основных условий новейшей цивилизации.

40. Естественное сочетание этих двух неизбежных испытаний, возобновление которых стало теперь столь же невозможным, сколь и бесполезным, привело нас в настоящее время к этому странному положению, когда ни в интересах порядка, ни ради прогресса не может быть предпринято ничего истинно великого, за отсутствием философии, действительно приспособленной к совокупности наших потребностей. Всякая серьезная попытка преобразования скоро останавливается перед опасениями регресса, которые она естественно должна внушать в эпоху, когда идеи порядка по существу своему вытекают еще из старого уклада, ставшего по справедливости ненавистным современным народам, точно же попытки непосредственно ускорить поступательный ход политики вскоре наталкиваются на преодолимые препятствия, вследствие порождаемых ими весьма законных тревог о неизбежности монархии, пока идеи прогресса остаются преимущественно отрицательными. Как и до кризиса, видимая борьба ведется, таким образом, между теологическим мышлением, признанным несовместимым с прессом, который оно догматически отвергало, метафизическим мышлением, которое, сумев вызвать всеобщее сомнение в философии, стремилось в политике лишь к установлению беспорядка или к состоянию, равносильному безначалию. Но, в виду единодушного сознания их общей неудовлетворительности ни тот, ни другой метод мысли отныне могут внушать управляющим или управляемым глубокие активные убеждения. Их антагонизм продолжает, однако, взаимно питать их, и ни один из не способен скорее, чем другой, либо совершенно оставить поле битвы, либо одержать решимую победу; ибо состояние нашего мышления делает их еще необходимыми, дабы одновременные условия, с одной стороны, порядка, с другой, прогресса, могли быть хоть как-нибудь соблюдены, пока новая философия не сможет одинаково удовлетворить им, сделав, наконец, равно бесполезными реакционную и критическую школы, из которых каждая имеет теперь главную целью помешать полному возобладанию другой. Тем не менее, тревоги противоположного характера, относящиеся к этим противоречивым формам мысли, естественно останутся нерассеянными, пока будет продолжаться идейное междуцарствие, неизбежное следствие неразумного разлучения двух нераздельных сторон великой социальной проблемы. В самом деле, каждая из этих двух школ, вследствие своего исключительного стремления, не способна даже удовлетворительно сдерживать противоположные заблуждения своего антагониста. Не взирая на свою антианархическую тенденцию, теологическая школа показала себя в наше время совершенно бессильной помешать росту разрушительных воззрений, которые, развившись, главным образом, в период ее полного восстановления, часто распространяются ею ради легкомысленных династических расчетов. Точно так же, каков бы ни был антиреакционный инстинкт

⁴ Революция 1830 г.

метафизической школы, она лишена теперь всей той логической силы, которой требовала бы ее простая революционная функция, ибо ее характерная непоследовательность заставляет ее допускать основные принципы той самой системы, истинные условия бытия которой она беспрерывно подрывает.

41. Это печальное колебание между двумя противоположными философиями, ставшими одинаково бесполезными и могущими прекратить свое существование только одновременно, должно породить развитие своего рода посредствующей школы, по существу неподвижной и преимущественно предназначенной выдвигать непосредственно социальный вопрос во всей его совокупности, провозглашая, наконец, равно необходимыми два основных условия, отделяющих друг от друга оба господствующие мнения. Но в виду отсутствия философии, способной осуществить это великое сочетание духа порядка с духом прогресса, эта третья школа остается логически еще более бессильной, чем две другие, ибо она возводит в систему непоследовательность, освящая одновременно реакционные принципы и отрицательные правила, дабы привести их к взаимоуничтожению. Прямо препятствуя всякому действительному возобладанию какой-либо системы и далекое от стремления закончить кризис, такое направление могло бы только способствовать ее увековечению, если бы оно не ограничивалось временным назначением эмпирически отвечать наиболее серьезным требованиям нашего переходного состояния до решительной победы единственных доктрин, которые могли бы отныне удовлетворять все наши потребности. Но рассматриваемое в таком смысле это предварительное, средство стало теперь столь же необходимым, сколь неизбежным. Быстрое достижение им практического влияния, молчаливо признанного обеими активными партиями, все более и более обнаруживает одновременное ослабление теперешних народов, прежних убеждений и страстей, как реакционных, так и критических, постепенно заменяемых общим реальным, хотя и неясным, чувством ходимости и даже возможности постоянного соглашения между консервативным и прогрессивным направлениями, одинаково свойственными нормальному состоянию человечества. Соответственное стремление государственных людей по возможности помешать теперь всякому большому политическому движению само собой отвечает сверх того, основным требованиям положения, допускающего действительно только временные учреждения, пока истинная общая философия не объединит умы в достаточной степени. Это инстинктивное сопротивление современных властей способствует помимо их воли облегчению действительного разрешения кризиса, побуждая бесплодную политическую агитацию превращаться в активное философское поступательное движение, дабы последовательно пройти, наконец, путь, предначертанный собственной природой окончательной реорганизации, которая должна сначала совершиться в идеях, чтобы распространиться затем на нравы и лишь после этого на учреждения. Такое превращение, стремящееся уже стать преобладающим во Франции, естественно должно будет все более и более развиваться всюду, в виду возрастающей необходимости, в которую поставлены теперь наши западные правительства, — поддерживать с большими расходами материальный порядок среди идейного и морального беспорядка. Эта необходимость должна мало-помалу существенно поглощать их повседневные усилия, заставляя их молчаливо отречься от всякой серьезной роли в духовной реорганизации, предоставленной таким образом свободной деятельности философов, которые покажут себя достойными руководить ею. Эта естественная тенденция современных властей находится в гармонии с само собой возникающим стремлением народов к кажущемуся политическому индифферентизму, который объясняется коренной несостоятельностью различных ходячих учений и который не ослабнет, пока политические споры, за отсутствием надлежащего стимула, будут вырождаться, по-прежнему, в бесполезные личные столкновения, все более и более печальные. Такова благоприятная практическая сила, которую вся совокупность нашего переходного состояния кратковременно

доставляет школе, по существу эмпирической, и эта школа в теоретическом отношении может создать лишь систему в корне противоречивую, не менее нелепую и опасную в политике, чем нелеп и опасен в философии соответствующий ей *эклектизм* вдохновляемый также тщетным намерением согласовать за отсутствием собственных принципов, противоположные мнения.

II. Положительное согласование порядка и прогресса

42. В силу все более и более развивающегося сознания равной социальной неудовлетворительности теологического и метафизического направлений, которые до сих пор одни только деятельно оспаривали господство друг у друга, общественный разум должен быть расположенным скрыто признавать теперь положительное мышление единственно возможным основанием для истинного разрешения глубокой интеллектуальной и моральной анархии, преимущественно характеризующей великий современный кризис. Оставаясь еще чуждой таким вопросам, положительная школа постепенно подготавливалась, приводя в течение революционной борьбы последних трех веков в действительно нормальное состояние все более простые классы наших реальных умозрений. Укрепленная такими логическими и научными опытами, свободная, сверх того, от современных заблуждений, она представляется теперь приобретшей, наконец, недостававшую ей до сих пор философскую общность; отныне она дерзает в свою очередь предпринять еще не начатое разрешение великой проблемы, надлежащим образом применяя новый метод и к конечным исследованиям, подобно тому, как она это последовательно сделала относительно различных предварительных изысканий.

43. Прежде всего, нельзя не признать само собой возникающей способности этой философии непосредственно построить еще столь тщетно искомое основное согласование одновременно между требованиями порядка и прогресса. Для этого ей достаточно распространить на социальные явления тенденцию, которая вполне соответствует ее природе и которую она теперь сделала крайне обычной во всех других основных случаях.

В каком бы то ни было вопросе положительное мышление всегда приводит к установлению точной элементарной гармонии между идеями порядка и идеями прогресса. Для новой философии порядок составляет всегда основное условие прогресса и, обратно, прогресс является необходимой целью порядка: подобно тому, как в животной механике равновесие и поступательное движение взаимно необходимы в качестве основы или цели.

44. Рассматриваемое затем специально со стороны порядка, положительное мышление в своем социальном расширении обеспечивает этому порядку могущественные и непосредственные гарантии, не только научные, но также логические, которые скоро будут признаны бесконечно превосходящими тщетные притязания реакционной теологии, в течение нескольких веков все более и более вырождающейся в деятельный элемент личных или национальных раздоров и отныне не способной сдерживать пагубные шатания своих собственных последователей. Поражая современный беспорядок в его основании, необходимо коренящемся в области мысли, положительная философия устанавливает столь глубоко, насколько это возможно, логическую гармонию, преобразовывая сначала *методы* (еще не касаясь доктрин) посредством одновременного тройного обновления — природы господствующих вопросов, способа их рассматривания и предварительных условий их обсуждения. В самом деле, с одной стороны, она доказывает, что главные социальные затруднения являются теперь по существу не политическими, но преимущественно моральными, так что их возможное разрешение зависит от воззрений и нравов гораздо более, чем от учреждений; это обстоятельство стремится устранить смуту, превращая политическую агитацию в философское движение. С другой стороны, она всегда рассматривает настоящее состояние как необходимый

результат всей предшествовавшей эволюции, постоянно отводя, при исследовании современных человеческих событий, преобладающее место рациональной оценке прошлого, что тотчас устраняет чисто критические тенденции, несовместимые со всякой здоровой исторической концепцией. Наконец, вместо того, чтобы оставлять социальную науку в смутной и бесплотной изолированности, в которую еще ставят ее теология и метафизика, она ее непреложно согласовывает со всеми другими основными науками; последние по отношению к этой конечной области знания составляют последовательный ряд необходимых вводных дисциплин, где наш ум приобретает одновременно привычки и понятия, без которых он не может продуктивно приступить к наиболее возвышенным положительным умозрениям, а это обстоятельство создает уже истинную умственную дисциплину, способную поставить на надлежащую почву столько споров ныне, как того и следует ждать, еще недоступных массе слабо одаренных или плохо подготовленных умов. Эти великие логические гарантии, сверх того, в полной мере подтверждаются и развиваются затем научной оценкой в собственном смысле слова которая относительно социальных явлений, как и по отношению ко всем другим, представляет всегда наш искусственный порядок как должностующий, заключаться, главным образом, в разумном продолжении, сначала случайном, а потом систематическом, естественного порядка, вытекающего в каждом случае из совокупности реальных законов, действительное действие которых обыкновенно способно видоизменяться благодаря нашему мудрому вмешательству, в определенных пределах, тем более широких, чем выше стоят явления. Одним словом элементарное чувство порядка является естественно нераздельным со всеми положительными умозрениями, постоянно направляемыми к открытию средств для объединения наблюдений, главная ценность которых обуславливается их систематизацией.

45. Точно так же и, пожалуй, еще более очевидно, обстоит дело по отношению к прогрессу, который вопреки напрасным онтологическим притязаниям, находит теперь в совокупности научных исследований свое наиболее бесспорное проявление. В силу их абсолютной и, следовательно, по существу неподвижной природы метафизика и теология, одна не более, чем другая, могли быть способны на действительный *прогресс* т. е. на непрерывный поступательный ход к одной определенной цели.

Напротив, их исторические превращения состоят преимущественно в возрастающем забвении вопросов, как умственных, так и социальных, без того, чтобы эти вопросы, раз возбужденные, могли сделать какой-либо реальный шаг, уже по причине их совершенной неразрешимости. Легко заметить, что онтологические споры греческих школ были, по существу дела, в других формах воспроизведены средневековыми схоластиками, и что равноценные им явления мы вновь наблюдаем теперь в спорах наших психологов и идеологов, — и в течение этих двадцативековых бесплодных словопрений ни одна из спорных доктрин не могла привести решительных доказательств хотя бы только относительно существования внешних тел, еще столь же проблематичного для новейших авторов, как и для их более древних предшественников. Очевидно, что непрерывное движение положительных знаний внушило Паскалю два века тому назад выраженное им в своей философской формуле первое рациональное понятие о человеческом прогрессе, понятие, необходимо чуждое всякой древней философии. Распространенная затем на промышленную эстетическую эволюцию, но оставшаяся слишком неясной в области социального движения, эта смутно стремится теперь к окончательной систематизации, которую может произвести только обобщенное, наконец, надлежащим образом положительное мышление. В своих повседневных умозрениях оно само собой воспроизводит элементарное активное чувство, всегда представляя расширение и совершенствование наших реальных знаний как существенную цель наших различных теоретических усилий.

Более систематическое рассмотрение показывает, что новая философия непосредственно

определяет необходимое назначение всего нашего существования — одновременно личного и социального — непрерывное улучшение не только нашего состояния, но так же и, в особенности, нашей природы, поскольку это во всех отношениях допускает совокупность внешних или внутренних реальных законов. Возводя, таким образом, идею прогресса в истинно основной догмат человеческой мудрости, практической, так и теоретической, положительная философия сообщает ей наиболее благородный и, в то же время, наиболее полный характер, представляя всегда второй вид совершенствования высшим, чем первый. Действительно, так как, с одной стороны, воздействие человечества на внешний мир зависит преимущественно от способностей действующего, то улучшение последних должно составлять наш главный ресурс; и так как, с другой стороны, человеческие личные или коллективные явления наиболее способны видоизменяться, то именно относительно их наше разумное вмешательство естественно возможно в наиболее широких размерах. Догмат прогресса может, таким образом, стать достаточно философским только на основании точной оценки того, что главным образом составляет это непрерывное улучшение нашей природы, улучшение, являющееся главной целью поступательного движения человечества. А в этом отношении совокупность положительной философии вполне доказывает, как это можно видеть в труде, указанном в начале этого «Слова», что совершенствование, как для индивидуума, так и для рода, по существу заключается в доставлении преобладания возвышенным свойствам, наиболее отличающим нашу *человечность* от простой животности, т. е. с одной стороны уму, а с другой, обществу, — способностям, естественно связанным между собою, взаимно служащим друг другу средством и целью.

Хотя само собой совершающееся течение личной или социальной человеческой эволюции всегда развивает общее влияние последних, их комбинированная сила не могла бы, однако, помешать тому, чтобы наша главная деятельность не определялась низшими наклонностями, которые в силу присущей нам организации необходимо являются более энергичными. Таким образом, это идеальное преобладание нашей человечности над нашей животностью, естественно, отвечает основным условиям истинно философского *типа* у очерчивая определенный предел, к которому все наши усилия должны нас постоянно приближать, будучи, однако, лишены возможности когда-либо его достигнуть.

46. Это двоякое указание основной способности положительного мышления самопроизвольно систематизировать здоровые нераздельные понятия порядка и прогресса достаточно для того, чтобы здесь вкратце охарактеризовать высокое социальное значение, присущее новой общей философии. Ее ценность в этом отношении зависит, главным образом, от ее полной научной реальности, т. е. от точной гармонии, по возможности всегда устанавливаемой между принципами и фактами, как касательно социальных, так и относительно других явлений. Полная реорганизация, единственно способная прекратить великий современный кризис, в области мысли — где она и должна прежде всего свершиться — действительно состоит в построении социологической теории, которая могла бы надлежащим образом объяснить человеческое прошлое, таков способ рациональной постановки основного вопроса, позволяющий лучше избежать влияния всякой волнующей страсти. А именно таким образом необходимое превосходство положительной школы над различными современными школами может быть оценено более точно. Ибо теология и метафизика, в силу абсолютного характера, обе были склонны рассматривать только ту часть прошлого, когда каждая из них господствовала по преимуществу: то, что периоду предшествовало и что за ним последовало, казалось им лишь мрачным замешательством и необъяснимым беспорядком, связь которых с ограниченной частью великого исторического развития могла, по их мнению, вытекать только из чудес вмешательства. Так, например, католицизм всегда обнаруживал по отношению к древнему политеизму столь же слепо-критическую тенденцию, в какой он теперь справедливо упрекает в собственном смысле слова революционное направление, в

свою очередь проявляющее ее по отношению к нему самому образом, истинное объяснение совокупности прошлого, сообразно неизменным законам нашей личной или коллективной природы, является по необходимости невозможным для господствующих еще абсолютных школ, в самом деле, ни одна из них не сделала достаточно серьезной попытки в этом направлении. Положительная философия, благодаря своему в высшей степени относительному характеру, единственно может надлежащим образом представить *все великие исторические эпохи* как различные определенные фазисы одной и той же основной эволюции, где каждый фазис вытекает из предшествовавшего и подготавливает следующий за ним в зависимости от неизменных законов, точно определяющих его специальное участие в общей цепи фактов; эта философия позволяет всегда без упрека в непоследовательности и пристрастии отдавать должную философскую справедливость всем событиям, содействовавшим прогрессу. Хотя это бесспорное преимущество разумного положительного метода должно с первого взгляда казаться чисто умозрительным, тем не менее истинные мыслители не замедлят признать в нем главный необходимый источник активного социального влияния, выпавшего, наконец, на долю новой философии. Ибо теперь можно утверждать, что учение, которое удовлетворительно объяснит совокупность прошлого, неизбежно получил, благодаря только этому доказательству, руководящую роль в направлении мысли будущего.

Глава вторая

Систематизация человеческой морали

47. Указание высших социальных свойств, характеризующих положительное мышление, было бы еще недостаточно законченным, если бы оно не дополнялось краткой оценкой естественно ему присущей: способности систематизировать, наконец, человеческую мораль, что будет составлять всегда главное применение истинной теории о человечестве.

I. Эволюция положительной морали

48. В политеистическом организме древности мораль, коренным образом подчиненная политике, могла никогда приобрести ни достоинства, ни всеобщности, соответствующих ее природе. Ее основная независимость и даже свойственное ей влияние — постольку, поскольку это было тогда возможно, — выросли, наконец, на почве монотеизма в средние века эта громадная социальная услуга, оказанная человечеству католицизмом, будет всегда служить основанием его главного права на вечную признательность человеческого рода. Именно, только начиная с момента этого неизбежного обособления, утвержденного и дополненного необходимым разделением двух властей, человеческая мораль, огражденная от временных побуждений, действительно могла принять систематический характер, устанавливая истинно общие правила для всей совокупности нашего личного, домашнего и социального существования. Но глубокие несовершенства монотеистической философии, руководившей тогда этим великим преобразованием, должны были значительно умалить ее силу и даже серьезно поколебать ее прочность, порождая вскоре роковое столкновение между ростом идей и моральным развитием. Связанная, таким образом, с доктриной, которая не могла оставаться долгое время прогрессивной, мораль должна была затем все более и более страдать от возрастающего недоверия, неизбежно встречавшего теологию, которая, являясь отныне реакционной,

становилась, наконец, коренным образом противной новому умственному направлению. Предоставленная с этого момента разрушительному действию метафизики, теоретическая мораль, в самом деле, понесла в течение последних пяти веков в каждой из своих трех существенных частей серьезные потери, и эти потери никогда не могли быть в достаточной степени возмещены на практике справедливостью и нравственностью, естественно присущими человеку, не взирая на непрерывное счастливое развитие последних, обусловленное тогда само собой слагавшимся ходом нашей цивилизации. Если бы необходимое влияние положительного мышления не поставило, наконец, предел этим анархическим течениям, они, наверное, наложили бы печать пагубной нерешительности на все более или менее утонченные понятия обычной морали, не только социальной, но также и домашней, и даже личной, и оставили бы всюду в силе только правила, которые относятся к более простым случаям и которые общепринятая оценка могла бы подтвердить непосредственно.

49. При таком положении вещей должно казаться странным, что единственная философия, которая могла бы действительно укрепить мораль, напротив, считается в этом отношении совершенно некомпетентной. Таково мнение различных современных школ, начиная от правоверных католиков до простых деистов, которые, среди своих бесполезных споров, сходятся, главным образом, в том, что ей нужно существенно воспретить доступ к этим основным вопросам в силу того единственного мотива, будто ее дух, отличаясь в своей природе слишком частным характером, ограничивался до сих пор более простыми предметами. Метафизика, столь часто стремившаяся активно разрушать нравственность, и теология, уже давно потерявшая возможность ее охранять, обе, тем не менее, упорствуют в желании сделать из нее своего рода вечное и исключительно им принадлежащее достояние, не считаясь с отношением общественного мнения к этим эмпирическим притязаниям. Правда, должно вообще признать, что всякое моральное правило обязано своим первоначальным введением теологическому духу, которым тогда была глубоко пропитана вся система наших идей и который, в то же время, был единственно способен создать достаточно общие мнения. Но совокупность прошлого равным образом доказывает, что эта первоначальная общность постоянно убывала — одновременно с уменьшением значения самой теологии; моральные правила, как и все другие, все более и более подвергались чисто рационалистической переоценке по мере того, как народная масса становилась все более способной понимать действительное влияние каждого поступка на личное или социальное существование человека. Отделив раз и навсегда мораль от политики, католичество должно было значительно способствовать развитию этой постоянной тенденции; ибо сверхъестественное вмешательство было, таким образом, непосредственно сведено к созданию общих правил, частное применение которых было отныне в существе дела предоставлено человеческой мудрости. Обращаясь к более передовым народам, оно передало на усмотрение общественного мнения массу специальных вопросов, относительно которых древние мудрецы полагали, что они могут разрешаться исключительно религиозными предписаниями; так думают еще и теперь ученые политеисты Индии, например, касательно большинства вопросов практической гигиены. Поэтому-то уже три века спустя после св. Павла раздавались зловещие предсказания нескольким философам или языческих юристов об угрожающей безнравственности, которую неминуемо повлечет за собой грядущий религиозный переворот. Современные разглагольствования различных монотеистических школ так же мало помешают положительному мышлению закончить теперь при надлежащих условиях практическое и теоретическое завоевание области морали, — области, уже и того все более и более переходившей под контроль человеческого разума, частные приобретения которого нам остается теперь, главным образом только систематизировать. Человечество, без сомнения, не может быть бесконечно обречено вызывать свои правила поведения только на химерических мотивах, чтобы таким образом увековечить временно

существовавшее до сих пор гибельное противоречие между интеллектуальными и моральными потребностями.

II. Необходимость сделать мораль независимой от теологии и метафизики

50. Не только присутствие теологического элемента не является необходимым для моральных заповедей, но, напротив, опыт доказывает, что у современных народов оно становится для них все более и более вредным, неизбежно заставляя их, благодаря этой пагубной связи, разделять возрастающее разложение монотеистического порядка; это, в особенности, наблюдается в течение последних трех веков.

Прежде всего, эта роковая солидарность должна была по мере того, как угасала вера, непосредственно ослаблять единственное основание, служившее таким образом опорой для этих правил, подвергаясь часто сильным нападениям, нуждались в заботливом охранении их от всякого колебания. Возрастающее отвращение, которое справедливо внушал теологический дух, тяжело отразилось на многих важных понятиях, не только касающихся серьезнейших социальных отношений, но затрагивающих также и обычную домашнюю жизнь, и даже личное существование; слепое и пылкое стремление к освобождению мысли влекло за собой, сверх того, только то, что временное презрение к этим спасительным правилам иногда превращалось в своего рода сумасшедший протест против реакционной философии, которая казалась их исключительным источником. Даже у тех, которые сохраняли догматическую веру, это гибельное влияние давало себя непосредственно чувствовать, ибо авторитет духовенства, потеряв свою политическую независимость, также все более и более утрачивал свое социальное значение, необходимое для его моральной силы. Кроме этого возрастающего бессилия поддерживать моральные заповеди, теологическое мышление, дезорганизованное неизбежным подъемом свободного личного исследования и лишенное своей былой устойчивости, часто также и активно вредило им. Порождая, таким образом, разброд мнений, теологическая мысль действительно обуславливала или благоприятствовала многим антисоциальным заблуждениям, которые здравый смысл, предоставленный самому себе, обошел бы или отбросил своим свободным усилием.

Разрушительные утопии, как направленные против собственности, так даже касающиеся семьи и т. д. и приобретающие теперь популярность, почти никогда не сочинялись и не признавались вполне свободными умами, несмотря на основные недостатки последних, но гораздо скорее исходили от тех, которые стремились к своего рода теологической реставрации, основанной на смутном и бесплодном деизме или на равноценном ему протестантизму. Наконец, с третьей общей точки зрения, эта старая связь с теологией сделалась гибельной для морали также тем, что она препятствовала прочному переустройству последней на чисто человеческих основаниях. Если бы это препятствие заключалось только в непродуманных протестах различных современных теологических или метафизических школ, часто вопиявших против мнимой опасности, представляемой таким преобразованием, — то сторонники положительной философии могли бы ограничиться опровержением гнусных инсинуаций достаточно убедительным примером их собственной повседневной, личной, домашней и социальной жизни. Но это противодействие, к несчастью, коренится гораздо глубже, ибо оно вытекает из неизбежного противоречия, очевидно существующего между этими способами систематизировать мораль. Так как теологические мотивы, естественно, должны предоставляться глазам верующего гораздо более сильными, чем всякие другие, они поэтому никогда не могут стать просто вспомогательными для мотивов чисто человеческих, коль скоро они перестают господствовать, они тотчас теряют всякое реальное значение. Не существует, таким образом, никакой прочной преемственной связи

между построением морали на положительном знании человечества и ее теологическим состоянием, покоящемся на сверхъестественном велении; рационалистические убеждения могли благоприятствовать теологическим верованиям, или, скорее, постепенно заменять их собой по мере того, как угасала вера; но обратное сочетание является только противоречивой утопией, где главное было бы подчинено второстепенному

51. Тщательное исследование истинного состояния современного общества всю совокупностью повседневных фактов непреложно опровергает мнимую невозможность укреплять отныне нравственность без помощи какой-нибудь теологии; ибо эта ясная связь должна была, начиная со средних веков, стать втроене губительной для морали, либо ослабляя или дискредитируя ее идейные основы, порождая прямые противодействия, либо, наконец, мешая лучше систематизировать ее. Если, вопреки деятельным факторам беспорядка, практическая нравственность реально улучшилась, то этот счастливый результат не может быть приписан теологическому мышлению, превратившемуся тогда, напротив, в опасную разрушительную силу; мы им обязаны по существу, возрастающему влиянию положительного мышления, сильного уже в своей стихийно возникающей форме, в виде всеобщего здравого смысла, мудрые внушения которого способствовали естественному стремлению нашей прогрессивной цивилизации целесообразно бороться с различными заблуждениями, преимущественно же с заблуждениями, вытекавшими из *религиозных* шатаний. Когда, например, протестантская теология стремилась коренным образом изменить институт брака формальным освящением развода, общественный разум значительно обезвредил пагубные последствия этой реформы, почти всегда предписывая признавать на практике прежние нравы, единственно соответствующие истинному характеру новейшей общественности. Неопровержимые опыты, произведенные одновременно в большом масштабе в недрах народных масс, доказали сверх того, что мнимо исключительная привилегия религиозных верований побуждать на великие жертвы или внушать деятельную преданность может, равным образом, принадлежать прямо противоположным мнениям и присуща вообще всяким глубоким убеждениям, какова бы ни была их природа. Многочисленные противники теологического режима⁵, которые полвека назад с таким героизмом отстаивали нашу национальную независимость против реакционной коалиции, без сомнения, проявили не менее полную и не менее постоянную самоотверженность, чем суеверные толпы, которые внутри Франции содействовали внешним врагам

52. Чтобы закончить оценку теперешних притязаний теолого-метафизической философии на сохранение за нею исключительного права систематизировать обычную мораль, достаточно непосредственно рассмотреть опасную и противоречивую доктрину, которую неизбежный прогресс освобождения мысли из-под опеки такой философии вскоре заставил последнюю установить по этому предмету, освящая всюду, под более или менее прозрачными формами, своего рода *коллективное лицемерие*. Это лицемерие аналогично тому, которое, кстати, совершенно неосновательно предполагается якобы обычно существовавшим у древних, хотя у них оно всегда могло рассчитывать лишь на случайный и временный успех. Не будучи в состоянии мешать свободному развитию современных: идей у людей просвещенных, эта философия предполагает, таким образом, добиться от них ради общественной пользы внешнего уважения к древним верованиям, дабы поддерживать среди народа авторитет, который она считает необходимым. Эта систематическая мировая сделка отнюдь не является произведением исключительно иезуитов, хотя и составляет существенную основу их тактики; протестантский дух на свой лад также дал ей еще более глубокое, более широкое и в особенности более догматическое освящение: метафизики в собственном смысле допускают его совершенно

⁵ Автор имеет в виду деятелей Великой французской революции.

так же, как сами теологи; величайший из них (Кант), хотя его высокая нравственность была поистине достойна его возвышенного ума, дошел до того, что по существу санкционировал этот компромисс, устанавливая, с одной стороны, что всякие, какие то ни было, теологические воззрения не доступны никакому действительному доказательству, и другой, — что социальная необходимость обязывает бесконечно поддерживать их господство. Не взирая на то, что эта доктрина могла пользоваться уважением в глазах тех, у кого этот вопрос не связан с интересами личного честолюбия, она, тем не менее, стремится испортить в корне все источники человеческой нравственности, неизбежно оскверняя их непрерывной ложью и даже презрением высших к низшим. Пока те, кто должны были участвовать в этом систематическом притворстве, были малочисленны, практическое осуществление его было возможно, хотя носило чрезвычайно случайный характер; но оно стало еще более бессмысленным и более отвратительным, когда просвещение распространилось настолько, что этот своего рода благочестивый заговор должен был охватить, как это имело бы место теперь, большинство мыслящих умов. Наконец, если предположить возможным такое фантастическое расширение заговора, эта ложная система совершенно не устраняет затруднения относительно самих участников последнего, собственная нравственность которых оказывается таким образом предоставленной их личному усмотрению, уже справедливо признанному недостаточным для подчиненного класса. Если же нужно допустить необходимость собственно систематизированной морали для этих освобожденных умов, то она отныне сможет покоиться только на положительных основаниях, которые, таким образом, в конце концов будут признаны безусловно необходимыми. Что касается приурочивания последних исключительно к просвещенному классу, то помимо того, что такое ограничение не могло бы изменить природу этого великого философского построения, оно было бы, очевидно, призрачным в эпоху, когда умственное развитие, предполагаемое этим легким освобождением, уже стало чрезвычайно общим или вернее почти всеобщим, по крайней мере, во Франции. Таким образом, эмпирическая уловка, подсказанная тщетным стремлением поддерживать во что бы то ни стало старый порядок идей, может, в конечном итоге, привести только к тому, что большинство деятельных умов останется на неопределенное время лишенным всякой моральной доктрины, как это очень часто наблюдается теперь.

III. Необходимость духовного господства положительной философии

53. Итак, именно во имя нравственности нужно отныне горячо работать для доставления, наконец, всеобщего преобладания положительному мышлению, дабы заменить устаревшую систему, которая — то бессильная, то возмущающая — требует все большего и большего подавления мысли для поддержания неизменного морального порядка. Новая философия единственно может установить теперь относительно наших различных потребностей глубокие и деятельные убеждения, действительно способные сдерживать натиск страстей. Согласно ее воззрениям на человечество, неопровержимые доказательства, опирающиеся на огромный опыт, которым обладает теперь наш род, точно определяет прямое или косвенное, частное или общественное действительное влияние, свойственное каждому поступку, каждой привычке и каждой склонности или чувству; отсюда естественно будут вытекать, как неизбежные следствия, правила поведения, как общие, и специальные, и эти правила будут наиболее ответствовать всеобщему порядку и, следовательно, необходимо окажутся наиболее благоприятными для личного счастья. Не взирая на крайнюю трудность этого великого предмета, я осмеливаюсь утверждать, что, рассматривая его надлежащим образом, можно прийти в этой области к заключениям столь же достоверным, как выводы геометрии. Нельзя

конечно, надеяться сделать когда-нибудь доступными всем умам эти положительные доказательства многих нравственных правил, предназначенных, однако, для обыденной жизни, но так уже обстоит дело относительно различных математических предписаний; последние, тем не менее, применяются без колебания в наиболее трудных случаях, когда, например, наши моряки ежедневно рискуют жизнью, доверяясь астрономическим теориям, которых они совершенно не понимают; почему с подобным доверием нельзя было бы относиться и к более нужным понятиям? Не подлежит, сверх того, сомнению, что нормальное существование такого порядка требует в каждом случае, помимо могучего побуждения, естественно вытекающего из общественных предрассудков, — также систематического вмешательства то пассивной, то активной духовной власти, назначенной энергично напоминать основные правила и мудро руководить их применением (эту сторону вопроса я специально объяснил в вышеуказанном сочинении). Выполняя, таким образом, великую социальную функцию, которую католицизм уже не занимается более, эта новая моральная власть тщательно использует счастливую способность положительной философии стихийно впитывать в себя мудрость любого предшествовавшего строя мысли, согласно обычной тенденции положительного мышления по отношению ко всякому предмету. Когда новейшая философия безвозвратно изгнала астрологические принципы, она не менее заботливо сохранила все истинные понятия, полученные при их господстве; точно то же происходило в химии по отношению к алхимии.

Глава третья

Рост социального чувства

54. Не имея здесь возможности заняться моральной оценкой положительной философии, я должен, однако, отметить неизменную тенденцию, непосредственно вытекающую из ее собственного построения, как научного, так и логического, возбуждать и укреплять чувство обязанности, выдвигая всегда идею целого, с которой такое чувство естественно связано. Этот новый образ мышления сам собою устраняет то роковое противоречие между интеллектуальными и нравственными потребностями, которое, начиная с конца средних веков, дает себя все более и более чувствовать. Отныне, напротив, все реальные умозрения, надлежащим образом систематизированные, будут беспрерывно содействовать тому, чтобы, поскольку это возможно, доставить всеобщее преобладание морали, так как социальная точка зрения необходимо станет научной связью и логическим регулятором всех других положительных взглядов. Невозможно предложить, чтобы такое согласование, легко и просто развивая идеи порядка и гармонии всегда применительно к человечеству, не стремилось коренным образом изменить нравы не только людей избранных, но и широких масс, которые должны будут, благодаря надлежащей системе всеобщего образования, более или менее участвовать в этом великом перерождении.

1. Старый моральный строй является личным

55. Более глубокое и более личное рассмотрение, одновременно практическое и теоретическое, рисует нам положительное мышление единственно способным по своей природе непосредственно развивать социальное чувство, являющееся первым необходимым основанием всякой здоровой морали. Старый строй идей мог побуждать к

нравственности только с помощью тяжелых косвенных средств, реальный успех которых должен был быть, в виду, по существу личной, тенденции этой философии, весьма несовершенным, когда мудрость духовенства не сдерживала ее стихийного влияния. Эта необходимость теперь признана, по крайней мере эмпирически, касательно метафизического мышления в собственном смысле слова, которое в области морали никогда не могло привести ни к какой другой действительной теории, кроме губительной системы *эгоизма*, столь обычной теперь вопреки множеству противоположных разглагольствований: даже онтологические секты, которые серьезно протестовали против подобного заблуждения, в конце концов заменили его смутными или несвязными понятиями, неспособными иметь какое-либо практическое значение.

Столь печальная и, однако, столь постоянная тенденция должна корениться гораздо глубже, чем это обыкновенно предполагают. Она в самом деле обусловлена неизбежно личным характером этой философии, которая, ограничиваясь всегда рассматриванием индивида, никогда не могла реально охватить изучение рода, в силу неминуемого следствия, вытекающего из ее неосновательного логического принципа, который, по существу, сводится к вдохновению в собственном смысле слова очевидно исключаящему возможность всякого коллективного применения. Ее обычные формулы являются только наивным выражением ее основного духа; для каждого из ее последователей господствующей, мыслью неизменно является мысль о собственном я; всякие другие существования, даже человеческие, неясно выражаются одной отрицательной концепцией — и их неопределенное целое составляет не-я; понятие мы не можем находить в ней никакого посредственного и обособленно отведенного ему места. Но, исследуя этот предмет еще глубже, приходится признать, что в этом, как и во всяком другом, отношении метафизика и догматически, и исторически оказывается в преемственной связи с самой теологией, лишь разрушительное видоизменение которой она всегда могла составлять. В самом деле, эта черта неизменного эгоизма преимущественно принадлежит в более сильной степени теологической мысли, всегда занятой у каждого верующего по существу личными интересами, огромное преобладание которых неизбежно поглощает всякое другое соображение, и даже наивысшая преданность не могла бы здесь внушать истинное самоотвержение, справедливо рассматриваемое тогда как опасное заблуждение.

Только частое противоречие этих вымышленных интересов с реальными интересами доставило благоразумному духовенству разумное средство моральной дисциплины, которое нередко могло побуждать во имя общественного блага на удивительные жертвы, однако последние только казались таковыми, но сводились всегда к благоразумному уравниванию интересов. Доброжелательные и бескорыстные чувства, свойственные человеческой природе, должны были, без сомнения, проявляться и при этом строе и даже, в некоторых отношениях, в силу его косвенного влияния; но хотя их порывы не могли быть таким образом заглушены, их характер должен был все-таки подвергаться сильному искажению, которое, вероятно, не позволяет нам еще, за отсутствием чистого и прямого их выражения, познать со всей полнотой их природу и их напряженность. Позволительно, сверх того, предположить, что эта постоянная привычка к личным расчетам в области наиболее дорогих интересов верующего развивала у человека путем постепенной аналогии даже и во всяком другом отношении излишнюю осторожность, предусмотрительность и, в конечном итоге, преувеличенный эгоизм, который совершенно не обуславливался его основной организацией и который поэтому сможет уменьшиться при лучшем моральном порядке. Какова бы ни была достоверность этого предположения, остается, тем не менее, бесспорным, что теологическая мысль, по своей природе, по существу индивидуальна и никогда не бывает непосредственно коллективной.

Для веры — и, в особенности, монотеистической — социальная жизнь не существует, ибо вера не видит той цели, к которой последняя беспрестанно стремится; человеческое общество с этой точки зрения непосредственно представляет только скопление

индивидов, соединение которых почти так же случайно, как и скоропреходяще, из которых каждый озабочен своим личным спасением и которые рассматривают участие в спасении другого как могущественное средство лучше заслужить собственное спасение, подчиняясь предписаниям, свыше налагающим на них эту обязанность. Мы всегда, конечно, будем выражать почтительное удивление благоразумию духовенства, которое при благоприятном давлении общественного инстинкта сумело долгое время извлекать весьма важную практическую пользу из столь несовершенной философии. Но это справедливое признание не может идти до согласия искусственно удлинять этот первоначальный порядок за пределы его предварительного назначения, когда наступило, наконец, время для системы, более соответствующей всей совокупности нашей интеллектуальной и чувственной природы.

2. Положительное мышление является непосредственно социальным

56. Положительное мышление, напротив, постольку, поскольку это возможно, является прямо общественным и достигает этого без всякого усилия, благодаря одной только характеризующей его реальности. Для него человек в собственном смысле слова не существует, существовать может только человечество, так как всем нашим развитием, в каком бы отношении его не рассматривать, мы обязаны обществу. Если идея *общества* кажется еще абстракцией нашего ума, то это преимущественно в силу старого философского мировоззрения, ибо, по правде сказать, именно идея индивида отличается — по крайней мере, у нашего рода таким характером. Новая философия, во всей ее совокупности, будет стремиться обнаруживать как в действительной, так и в умопостигаемой жизни связь каждого со всеми, проявляющуюся в массе различных видов, — дабы сделать невольно обычным чувство тесной социальной солидарности, надлежащим образом распространенной на все времена и на все места. Не только деятельное искание общественного блага будет беспрестанно представлять способ, наиболее пригодный и обычный для обеспечения частного благополучия, но, благодаря влиянию — одновременно более непосредственному и более чистому, а впоследствии более сильному — возможно более сильное проявление великодушных наклонностей станет главным источником личного счастья, даже когда награда будет заключаться исключительно в неизбежном внутреннем удовлетворении. Ибо если, как это не подлежит сомнению, *счастье* вытекает преимущественно из разумной деятельности, то оно должно зависеть от инстинктов сочувствия, хотя наша организация обычно не сообщает им преобладающей энергии; ибо доброжелательные чувства суть единственные, которые могли бы свободно развиваться в общечеловеческой жизни; последнее, естественно, все более и более возбуждает их, открывая им бесконечное поле, между тем как оно, по всей необходимости, требует известного постоянного подавления различных личных побуждений, стихийный рост которых порождал бы непрерывные конфликты. В этом широко захватывающем социальном единстве каждый найдет нормальное удовлетворение того стремления быть увековеченным, которое прежде могло удовлетворяться только посредством иллюзий, отныне несовместимых с нашим умственным развитием. Не имея возможности продлить свое существование иначе, как посредством рода, индивид будет, таким образом, стараться по возможности полнее слиться с ним, прочно связывая себя со всем его коллективным существованием — не только настоящим, но и прошлым и, в особенности, будущим, дабы придать своей жизни всю ту яркость, которую в каждом случае позволяет совокупность реальных законов. Это великое отождествление сможет стать тем более тесным и будет тем лучше понято, что новая философия необходимо определяет этим двум видам жизни одно и то же основное назначение и один и тот же закон эволюции, заключающийся всегда, как для индивида, так и для рода, в

беспрерывном поступательном движении, главная цель которого была указана выше; это — стремление доставить, с одной и с другой стороны, преобладание человечности, или сочетанию ума с общественностью над животностью в собственном смысле слова. Так как все наши чувства способны развиваться только посредством прямого и непрерывного их упражнения, тем более необходимого, что вначале они отличаются менее энергичным действием, то всякому обладающему, даже эмпирически, истинным знанием человеку было бы излишне далее доказывать необходимое превосходство положительного мышления над старым теолого-метафизическим направлением в области здравого и деятельного подъема социального инстинкта. Это превосходство столь заметно, что общественный разум, без сомнения, достаточно признает его задолго до того момента, когда соответственные учреждения смогут надлежащим образом провести в жизнь его счастливые свойства.

Часть третья

Условия торжества положительной школы (Союз пролетариев и философов)

Глава первая

Введение высшего народного образования

1. Соотношение между распространением положительных понятий и настроениями современной среды.

57. Совокупностью предыдущих указаний само собой возникающее превосходство новой философии над каждой из школ, оспаривающих в наши дни господство друг у друга, является теперь в такой же мере выясненным с социальной точки зрения, насколько оно уже было охарактеризовано со стороны интеллектуальной; по крайней мере постольку, поскольку это позволяют размеры настоящего «Слова», и насколько это возможно без необходимой помощи указанного сочинения. Заканчивая эту краткую оценку, важно отметить благоприятное соотношение, естественно устанавливающееся между этим философским методом и разумными, но эмпирическими настроениями, которые благодаря современному опыту становятся отныне все более и более преобладающими как у управляемых, так и у управляющих. Непосредственно заменяя бесплодную политическую агитацию широким умственным движением, положительная школа, в результате систематического исследования, объясняет и обосновывает безразличие или отвращение, которые общественный разум и благоразумие правительств согласно проявляют по отношению ко всякому серьезному и непосредственному социальному строительству теперь, в эпоху, когда могут существовать учреждения только чисто предварительного или переходного характера, ибо покуда будет продолжаться идейная анархия, эти меры будут лишены сколько-нибудь достаточного разумного основания. Призванная прекратить, наконец, этот основной «беспорядок единственными средствами, которые только и могут взять верх над ним, новая школа нуждается прежде всего в беспрерывном поддержании материального порядка, как внутреннего, так и внешнего, без

чего никакое серьезное социальное размышление не может быть ни надлежаще встречено, ни удовлетворительно выработано. Оно стремится, таким образом, дать оправдание и оказать содействие вполне правильной заботе, внушаемой теперь всюду идеей достижения единственного великого политического результата, который оказался бы непосредственно совместимым с современным положением. Это положение, сверх того, делает его особенно ценным вследствие тяжелых затруднений, которые оно создает на его пути, выдвигая, в конце концов, неразрешимую проблему — поддерживать некоторый политический порядок среди глубокого морального беспорядка. Помимо своих будущих трудов, положительная школа непосредственно приобщается к этому великому делу в силу своей прямой тенденции коренным образом дискредитировать различные современные школы, она уже лучше, чем каждая из них, выполняет еще остающиеся у них противоположные функции; в ней одной эти последние сами собой совмещаются так, что она сразу же показывает себя более органической, чем теологическая школа, и более прогрессивной, чем метафизическая, никогда не угрожая опасностью реакции или анархии, свойственных соответственно каждой из этих двух школ. С тех пор, как правительства по существу отказались, хотя неявно, от всякого серьезного возвращения к прошлому, а народы — от всякого резкого потрясения учреждений, новой философии только остается просить у той и другой стороны, — всюду, по существу, благоприятно подготовленных (по крайней мере, во Франции, где должна, главным образом, совершиться сначала систематическая обработка лишь обычного отношения, т. е. свободы и внимания). При этих естественных условиях положительная школа стремится, с одной стороны, укреплять все современные прерогативы власти за их обладателями и, с другой стороны, налагает на последних моральные обязанности, все более и более соответствующие истинным потребностям народов.

58. При указанном, бесспорно заслуженном новой школой, отношении властей и народов, с первого взгляда получается такое впечатление, что единственными существенными препятствиями торжеству положительной школы отныне должны явиться только те, которые будут обусловлены неспособностью или нерадением ее проповедников. Но более зрелая оценка показывает, что, напротив, новая философия должна встречать энергичное сопротивление со стороны почти всех в настоящее время деятельных умов, уже вследствие трудности того обновления, с которым было бы сопряжено их непосредственное приобщение к ее главной работе. Если бы это неизбежное противодействие должно было исходить исключительно от теологически или метафизически настроенных умов, оно представляло бы незначительную реальную опасность, ибо осталась бы могущественная поддержка тех, кто преимущественно занимается изучением положительных наук, а их число и влияние с каждым днем увеличивается. Но, в силу легко объяснимого рокового обстоятельства, именно со стороны этих последних новая школа должна, может быть, ожидать наименьшей поддержки и наибольших затруднений: философия, непосредственно вытекающая из наук, встретит, вероятно, наиболее опасных из своих врагов в лице ученых, разрабатывающих теперь эти науки. Главный источник этого печального недоразумения заключается в слепой узкой специализации, которой резко отличается современное научное мышление, носящее по необходимости частный характер в виду возрастающей сложности изучаемых явлений; я это ясно укажу ниже. Это предварительное движение, которое опасная академическая рутина старается теперь увековечить преимущественно среди геометров, прививает каждому уму истинно положительный метод мышления только в крайне узкой области идей и оставляет все остальное в теолого-метафизическом тумане или отдает во власть еще более стеснительному эмпиризму. Отсюда истинно положительное мышление, соответствующее совокупности различных научных трудов, оказывается по существу не понятым в полной мере ни одним из тех, которые таким образом естественно подготовили его. Все более и более проникаясь этой неизбежной

тенденцией, ученые, в собственном смысле слова, обыкновенно доходят в наш век до непреодолимого отвращения ко всякой общей идее и до полной неспособности верно оценить какую-либо философскую концепцию. Опасность этого противодействия легче, впрочем, будет понять, приняв во внимание, что, порожденное умственными привычками, оно должно было затем затронуть различные соответственные интересы, которые организация у нас научной деятельности глубоко связывает, (преимущественно во Франции), с этой пагубной специализацией (я это с достаточной ясностью развил в вышеуказанном моем сочинении). Таким образом, новая философия, непосредственно требующая цельного направления и способствующая рождающейся науке о социальном развитии стать выше всех сложившихся теперь дисциплин, — необходимо встретит глубокую неприязнь, одновременно активную и пассивную, в предрассудках и страстях единственного класса, который мог бы прямо доставить ей умозрительную точку опоры и среди которого она долго может надеяться только на отдельных приверженцев, быть может, более редких, чем среди всех других классов».

2. Необходимая всеобщность этого преобразования

Чтобы надлежащим образом преодолеть это стихийное объединение различных сопротивлений, оказываемых ей массой мыслящих людей (понимая это слово в собственном смысле), положительная школа может прибегнуть к единственному общему средству — к прямому и настойчивому обращению к всеобщему здравому смыслу, стараясь отныне систематически распространять среди активных слоев населения главные научные труды, способные создать необходимое основание ее великого философского построения. Эти предварительные исследования, в которых до сих пор естественно преобладал эмпирический дух специализации, направлявший соответственные науки, — рассматриваются и изучаются как если бы каждое из них должно было по преимуществу подготовить к той или иной исключительной профессии; это обстоятельство очевидно лишает возможности даже тех, которые обладали бы наибольшим досугом, когда-либо обнять многие знания или, по меньшей мере, столько их, сколько потребовалось бы для дальнейшей выработки здоровых общих концепций. Но так больше не может продолжаться теперь, когда образование имеет своим прямым назначением всеобщее воспитание, необходимо изменяющее, вопреки всякой противной тенденции, его характер и направление. В самом деле, средний человек, который не хочет стать ни геометром, ни астрономом, ни химиком и т. д., постоянно испытывает одновременную потребность во всех главных науках, сведенных к их основным понятиям; ему нужна, по замечательному выражению нашего великого Мольера, *ясность во всем*. Эта необходимая одновременность перестает для него существовать только тогда, когда он рассматривает эти знания в их отвлеченном и общем назначении, как единственное рациональное основание совокупности человеческих концепций; он ее вновь встречает, хотя не столь непосредственно, даже по отношению к различным конкретным применениям, из которых каждое, вместо того, чтобы относиться исключительно к данной отрасли естественной философии, по существу более или менее зависит также от всех прочих. Таким образом, всеобщее распространение главных приобретений положительного знания назначено теперь не только для удовлетворения потребности уже весьма резко выраженной у широких кругов общества, которое все более и более сознает, что науки вовсе не созданы исключительно для ученых, а существуют преимущественно и главным образом для него самого. В силу счастливого, само собой возникающего взаимодействия, такое назначение, когда оно будет надлежаще развито, должно будет коренным образом улучшить современное научное мышление, избавляя его от свойственной ему слепой и узкой специализации и давая ему тем самым возможность мало-помалу приобрести

необходимый для его главной миссии истинно философский характер. Этот путь является даже единственным, благодаря которому можно было бы в наше время, минуя класс специалистов ученых, из массы рассудительных людей постепенно создать обширный, естественно складывающийся трибунал, решения которого были бы столь же беспристрастны, как и неопровержимы и перед которым навсегда исчезнут многие ложные научные воззрения, последние по необходимости примешались в течение двух последних веков к истинно положительным доктринам в период их предварительной обработки и, сверх того, неизбежно будут их искажать, покуда эти споры не предстанут, наконец, непосредственно перед судом всеобщего здравого смысла. В эпоху, когда нужно ожидать прямой успешности только от чисто временных мер, хорошо приспособленных для нашего переходного положения, необходимое создание такой общей точки опоры для всей совокупности философских трудов становится, на мой взгляд, главным социальным результатом, которого можно было бы теперь достигнуть широким и полным распространением в массах реальных знаний, общество, таким образом, окажет новой школе услугу вполне равноценную той, которую оно само от нее получит. Этот великий результат не мог бы быть достигнут в полной мере, если бы это непрерывное обучение оставалось предназначенным для одного какого-либо, даже чрезвычайно обширного класса, во избежание неудачи всегда нужно иметь в виду всю совокупность умов. В нормальном состоянии, которое должно подготовить это движение, все без всякого исключения и различия будут всегда испытывать одну и ту же основную потребность в этой первоначальной философии, вытекающей из совокупности реальных понятий и долженствующей тогда стать систематическим основанием человеческой мудрости, как практической, так и умозрительной, и выполнять более совершенным образом необходимую социальную функцию, некогда принадлежавшую всеобщему христианскому образованию. Весьма важно, таким образом, чтобы новая философская школа с самого момента своего зарождения по возможности развивала эту великую элементарную черту социальной всеобщности, которая, относясь в конечном счете к ее главному назначению, составит теперь ее наибольшую силу в борьбе с различными препятствиями, какие она должна встретить.

3. По существу народное назначение этого образования

61. Дабы лучше подчеркнуть эту необходимую тенденцию, внутреннее убеждение — сначала инстинктивное, затем систематическое — меня издавна побуждало всегда изображать систему образования, изложенную в этом сочинении, предназначенной преимущественно для наиболее многочисленного класса, который при существующем положении вещей остается лишенным всякого правильного обучения. Ибо чисто теологическое воспитание, все более и более изгоняемое и только временно замененное, единственно для интеллигентных людей, некоторым метафизическим и словесным образованием, не могло получить, особенно во Франции, никакой равноценной замены для народной массы.

Важность и новизна этого постоянного стремления, мое горячее желание, чтобы оно было надлежащим образом оценено и даже, осмелюсь это сказать, вызвало бы подражание, обязывают меня указать здесь главные мотивы того духовного взаимодействия, которое должно таким образом специально установиться теперь между пролетариями и новой философской школой, но с тем, чтобы распространяемое последней образование не должно было обойти какой-либо класс. Какие бы препятствия этому сближению ни создавали, с одной и с другой стороны, отсутствие рвения или возвышенности чувств, легко, тем не менее, признать вообще, что из всех частей современного общества — народ, в собственном смысле слова, в силу стремлений и потребностей, обусловленных

его особенным положением, должен быть, по существу, лучше расположенным сочувственно принимать новую философию, которая в конце концов должна найти здесь свою главную идейную и социальную опору.

62. Первое соображение, которое важно углубить, хотя оно преимущественно отрицательного характера, вытекает в данном случае из тщательной оценки того, что с первого взгляда могло бы казаться обстоятельством, представляющим собой серьезное затруднение, т. е. из оценки отсутствия в настоящее время всякого умозрительного развития. Без сомнения, достойно сожаления, например, что популярное преподавание астрономической философии не находит еще у всех тех, для кого оно преимущественно назначено, известных предварительных математических знаний, которые сделали бы его одновременно более плодотворным и более доступным и которые теперь, по необходимости, приходится предполагать. Но этот самый пробел встретился бы также у большинства современных классов в ту эпоху, когда положительное образование остается ограниченным, во Франции, некоторыми специальными профессиями, главным образом связанными с политехнической или медицинскими школами. Здесь, таким образом, нет ничего такого, что было бы действительно характерной особенностью наших пролетариев; что же касается обычного отсутствия у них той формы правильного развития, в которой его получают теперь просвещенные классы, то я не боюсь впасть в философское преувеличение, утверждая, что вместо действительного затруднения отсюда вытекает значительное преимущество для народных умов. Не возвращаясь здесь к критике, к несчастью, чрезвычайно легкой, давно уже в достаточной степени выполненной и все более и более подтверждаемой повседневными опытами в глазах большинства рассудительных людей, было бы трудно придумать теперь более неразумную подготовку и, по существу, более опасную для обычного применения к реальной жизни, как активной, так даже и умозрительной, чем та, которая вытекает из этого бесполезного образования, состоящего сначала из слов, затем из сущностей, — образования, на которое тратится еще столько драгоценных годов нашей молодости. Большой части лиц, получающих такое образование, оно внушает в течение всей их жизни только почти непреодолимое отвращение ко всякому умственному труду; но эти опасности становятся еще более серьезными для тех, которые на нем специализируются. Неспособность к действительной жизни, презрение к простонародным профессиям, бессилие надлежащим образом оценить какое-либо понятие положительной философии и вытекающая отсюда вскоре антипатия очень часто располагают их теперь способствовать бесплодной метафизической агитации, которую беспокойные личные притязания, развитые этим пагубным воспитанием, скоро сделают опасной для политического порядка. Эта агитация, сверх того, ведется под непосредственным влиянием извращенной исторической эрудиции, выдвигающей на первый план ложное понятие о социальном типе, свойственном древности, и, тем самым, обыкновенно препятствующей правильному пониманию новейшей общественности. Если принять во внимание, что почти все те, которые в той или иной области руководят теперь общественными делами, были подготовлены именно таким образом, то не приходится удивляться ни позорному невежеству, которое они слишком часто обнаруживают по поводу малейших даже материальных предметов, ни их частой склонности пренебрегать содержанием ради формы, ставя выше всего искусство красиво говорить, каким бы противоречивым или губительным ни становилось применение этого красноречия, ни, наконец, специальной тенденции наших ученых жадно поглощать все заблуждения, рождающиеся ежедневно среди нашей умственной анархии. Такая оценка располагает, напротив, поражаться тому, что эти различные бедствия не принимают обыкновенно более широких размеров, она приводит к глубокому восхищению природной справедливостью и природной мудростью человека, которые, под влиянием счастливого побуждения, свойственного совокупности нашей цивилизации, по большей части сами собой умеяют эти вредные последствия

нелепой системы общего воспитания. Так как эта система была, начиная с конца средних веков, как она является еще и теперь, главной социальной точкой опоры метафизического духа — сначала в борьбе с теологией, затем также в выступлениях против науки, — то легко понять, что классы, которые она не смогла охватить, в силу этого самого должны быть гораздо менее заражены этой переходной философией и поэтому лучше подготовлены к положительному мышлению. Таково важное преимущество, которое отсутствие схоластического воспитания доставляет нашим пролетариям и которое делает их, как это показывает повседневный опыт, по существу менее восприимчивыми к различным вносящим смуту софизмам, чем большинство образованных людей, не взирая на то, что их социальные страсти систематически возбуждаются.

Некогда они должны были быть глубоко поработаны теологией, в особенности католической; но во время их умственного освобождения метафизика могла только слегка задеть их, ибо она не встретила необходимой для ее упрочения специальной культуры; только положительная философия сможет снова захватить их всецело и глубоко.

Предварительные условия, столь горячо рекомендованные родоначальниками этой окончательной философии, должны, таким образом, здесь оказаться выполненными лучше, чем где бы то ни было: если бы знаменитая формула *tabula rasa* (*table rase*) Бэкона и Декарта была когда-либо вполне осуществима, то, наверное, только среди современных пролетариев, которые, главным образом во Франции, гораздо более, чем всякий другой класс, приближаются к идеальному типу, подготовленному к рациональному положительному методу.

Исследуя глубже и тщательнее это естественное тяготение народных умов к здоровой философии, легко признать, что оно должно всегда вытекать из основной солидарности, которая, согласно нашим предыдущим объяснениям, непосредственно связывает истинный философский дух с его главным необходимым источником — всеобщим здравым смыслом. В самом деле, не только этот здравый смысл, столь справедливо превознесенный Декартом и Бэконом, должен теперь оказаться более чистым и более энергичным у низших классов, уже в силу счастливого отсутствия схоластической культуры, делающего их менее доступными смутным или софистическим привычкам, — к этому временному различию, которое лучшее воспитание просвещенных классов постепенно рассеет, нужно добавить также другое, по необходимости постоянное, относящееся к умственному влиянию различных социальных функций, свойственных обеим категориям умов, соответственно характеру их обычных трудов. С тех пор, как реальное воздействие человечества на внешний мир само собою начало организовываться у современных народов, оно требует непрерывного сочетания двух особых классов, чрезвычайно неравных по численности, но одинаково необходимых, с одной стороны, всегда малочисленные *предприниматели* в собственном смысле слова, которые владеют различными соответственными материалами, включая сюда деньги и кредит, руководят совокупностью каждой операции, принимая на себя поэтому главную ответственность за какие бы то ни было результаты; с другой стороны, непосредственные *производители*, которые, живя периодической заработной платой и образуя громадное большинство трудящихся, исполняют, со своего рода отвлеченною целью, каждый из простейших актов, не заботясь особенно об их конечной цели. Эти последние единственно находятся в непосредственном общении с природой, между тем как первые имеют преимущественно дело с обществом. В силу необходимого следствия, вытекающего из этих основных различий, умозаключительная сила, которую мы признали присущей промышленной жизни для самопроизвольного развития положительного мышления, должна обыкновенно лучше себя чувствовать среди производителей, чем среди предпринимателей, ибо собственные труды первых более просты по своему характеру, преследуют более ясную цель, имеют более близкие результаты и вызываются более повелительными условиями. Таким образом, положительная школа сумеет надлежащим образом проникнуть в эту

обширную социальную среду, она должна будет, естественно, находить здесь более легкий доступ для всеобщего образования и более горячее сочувствие своему философскому обновлению. Она должна будет в то же время встретить здесь не менее драгоценные, чем эта умственная гармония, сходные моральные черты, в виду общей материальной беззаботности, само собою сближающей наших пролетариев с истинным классом философов, по крайней мере тогда, когда последний усвоит, наконец, нравы, соответствующие его социальному назначению. Это счастливое положение вещей, столь же благоприятное для всеобщего порядка, как для истинного личного счастья, приобретет тогда более нормальное значение вследствие систематизации общих отношений, долженствующих существовать между этими двумя крайними элементами положительного общества. Но, начиная с настоящего момента, новая философия может существенно облегчить этот рождающийся союз, заполняя незначительный досуг, который повседневные занятия оставляют нашим пролетариям для их умозрительного образования. Если, в некоторых исключительных случаях чрезмерного обременения трудом, это непрерывное препятствие должно, в самом деле, казаться способным помешать умственному развитию, то оно обыкновенно компенсируется характером той мудрой непредусмотрительности, которая в каждом естественном перерыве обязательных работ дает разуму полную возможность располагать собой. Недостаток в истинном досуге должен обыкновенно ощущаться только в высшем классе, который, кажется, наиболее им наделен, ибо уже по причине своего богатства и своего общественного положения он по преимуществу занят тревожными делами, почти никогда не допускающими истинного интеллектуального и морального спокойствия. Это состояние, напротив, должно быть легким как для мыслителей, так и для производителей в виду их общего, само собою получающегося освобождения от забот, относящихся к употреблению капиталов, и вследствие их независимости от естественной регулярности их повседневной жизни. Когда эти различные умственные и моральные тенденции будут надлежащим образом действовать, то именно между пролетариями должно будет лучше всего осуществиться это всеобщее распространение положительного образования, являющегося необходимым условием для постепенного выполнения философского обновления. И именно также у них знание сможет приобрести в наибольшей степени чисто умозрительный характер, ибо оно окажется здесь наилучшим образом избавленным от тех своекорыстных взглядов, которые сюда вносят, более или менее непосредственно, высшие классы, всегда занятые расчетами жадности или честолюбия. Видя в нем сначала всеобщее основание всей человеческой мудрости, они будут затем находить в нем, как в изящных искусствах, обычное приятное развлечение от своих повседневных трудов. Так как их неизбежное социальное положение должно сделать гораздо более драгоценным такое научное и эстетическое развлечение, то было бы странно предположить, что правящие классы увидят в нем, напротив, основной мотив к тому, чтобы лишать их позитивного образования, систематически отказывая им в единственном удовольствии, которое могли бы неограниченно разделять даже те, кому приходится благоразумно отрекаться от менее доступных наслаждений. Правда, такой отказ, весьма часто диктуемый эгоизмом и необдуманностью, иногда мотивируется тем соображением, что эта демократизация философии привела бы к чрезмерному увеличению современного беспорядка, развивая уже весьма ярко выраженное губительное стремление к всеобщему уничтожению классовых различий. Но это естественное опасение, единственно крупное возражение, заслуживающее в этом вопросе серьезного обсуждения, вытекает теперь, в большинстве случаев, из неразумного смешения положительного образования — одновременно эстетического и научного — с единственно организованным теперь метафизическим и словесным образованием. Последнее оказывает, как мы это уже признали, чрезвычайно возбуждающее действие на просвещенные классы, и оно стало бы, на самом деле, гораздо более опасным, если бы распространялось на пролетариев, где оно развило бы, помимо отвращения к

материальным занятиям, чрезмерное честолюбие. Но, к счастью, они еще менее расположены его добиваться, чем те, от кого это зависит, желают им его дать. Что же касается разумно понятых и надлежаще направленных положительных знаний, то они отнюдь не могут иметь такого влияния: находясь в связи и применяясь по своей природе ко всем практическим работам, они, напротив, стремятся укреплять или даже внушать склонность к ним, либо облагораживая их обычный характер, либо смягчая их тяжелые последствия; приводя, сверх того, к ясной оценке различных социальных положений и необходимо связанных с ними тягостей, они подсказывают ту мысль, что действительное счастье совместимо со всякими условиями существования, лишь бы они были честно выполнены и разумно приняты. Вытекающая из них общая философия учит, что человек или, вернее, человечество есть первое из известных нам существ, призванное, в силу совокупности реальных законов, по возможности и во всех отношениях, непрерывно совершенствовать естественный порядок, не беспокоясь никакими нелепыми тревогами, эта идея стремится глубоко пробуждать всеобщее деятельное чувство человеческого достоинства. В то же время эта философия сама собой ограничивает чрезмерную гордость, которую она могла бы порождать, показывая со всех точек зрения и с полной очевидностью, насколько мы оказываемся ниже охарактеризованных цели и типа как в действительной, так даже и в умозрительной жизни, здесь мы почти на каждом шагу чувствуем, что наши величайшие усилия могут всегда преодолеть только незначительную часть основных затруднений.

65. Не взирая на высокую важность различных предшествовавших мотивов, соображения еще более сильные побудят преимущественно умы народных масс способствовать теперь философской деятельности положительной школы своим неизменным рвением ко всеобщему распространению реальных знаний, которые идут навстречу главным коллективным потребностям социального положения пролетариев. Их можно выразить таким общим положением до сих пор не могла существовать специфически народная политика, и только новая философия может создать ее.

Глава вторая

Создание народной политики

1. Народная политика, всегда социальная, должна стать преимущественно моральной

66. С тех пор, как начался великий современный кризис, в главных политических столкновениях народ являлся и еще теперь является простым вспомогательным элементом. Участвуя в борьбе, народ надеется, конечно, добиться некоторого улучшения своего общего положения; но это улучшение, очевидно, не может быть согласовано со взглядами и целью, действительно ему присущими. Все обычные споры оставались по существу ограниченными различными высшими или средними классами, ибо предметом их было преимущественно обладание властью. Народ же долгое время не мог непосредственно интересоваться такими конфликтами, так как природа нашей цивилизации, очевидно, не позволяет пролетариям надеяться и даже желать скольконибудь значительного участия в политической власти в собственном смысле этого слова. Поэтому, добившись всех социальных результатов, каких они могли ожидать при временном переходе политического господства от духовенства и феодальной аристократии к метафизикам и легистам, они теперь все более и более безразлично

относятся к бесплодному продолжению этой все более и более жалкой борьбы, отныне почти сведенной к пустому личному соперничеству. Каковы бы ни были по вседневные усилия метафизической агитации втянуть их в эти пустые споры, соблазняя их тем, что называют политическими правами, — народ, в особенности во Франции, инстинктивно понял уже, насколько было бы призрачным или ребячески несерьезным обладание такой привилегией, которая даже при ее нынешней степени распространения не внушает обыкновенно никакого истинного интереса большинству из тех, которые исключительно ею пользуются. Народ, по существу, может интересоваться только фактическим применением власти, в чьих бы руках она ни находилась, а не ее специальным завоеванием. Как только политические или, вернее, отныне социальные, вопросы будут обыкновенно относиться к форме, в которой власть должна быть осуществлена, дабы лучше достигнуть своего общего назначения, затрагивающего у современных народов пролетарские массы, тотчас же придется признать, что наблюдаемое теперь презрение отнюдь не ведет к опасному безразличию, до этого момента народное мнение останется чуждо этим спорам, которые с точки зрения здравомыслящих людей, увеличивая непрочность всех властей, стремятся специально задержать необходимый переворот. Одним словом, народ естественно расположен желать, чтобы тщетное и бурное обсуждение прав было, наконец, заменено плодотворной и спасительной оценкой различных основных обязанностей, как общих, так и частных. Таков сам собой выдвигающийся принцип тесного соотношения, которое, будучи рано или поздно понято, неминуемо соединит народный инстинкт с социальной деятельностью положительной философии, ибо это великое превращение, очевидно, равноценно обоснованному выше самыми высокими умозрительными соображениями переходу современной политической агитации в простое философское движение; первый и главный результат последнего будет, действительно, состоять в прочном построении всеобщей морали действия, предписывающей каждому деятелю, личному или коллективному, наиболее соответствующие основной гармонии правила поведения. Чем больше будут размышлять об этом естественном отношении, тем полнее будет признано, что эта решительная перемена, которую могло произвести только положительное мышление, может теперь находить опору лишь у народа в собственном значении слова, единственно расположенного хорошо ее понять и глубоко ею заинтересоваться. Предрассудки и страсти, свойственные высшим или средним классам, сообщая препятствуют им первыми понять в достаточной степени всю важность этой новой политической задачи, ибо обыкновенно они должны больше интересоваться преимуществами, сопряженными с обладанием властью, чем опасностями, вытекающими из неправильного осуществления последней. Если народ теперь относится и должен впредь относиться безразлично к непосредственному обладанию политической властью, то он никогда не может отказываться от необходимой доли постоянного участия в моральной власти; это — единственная власть, истинно доступная всем, обеспечивающая без всякой опасности для всеобщего порядка и, напротив, его наибольшую повседневную выгоду; она уполномочивает каждого во имя общей основной доктрины надлежащим образом призывать сильнейших мира к исполнению их различных основных обязанностей. Правда, предрассудки, присущие переходной или революционной эпохе, должны были также иметь некоторый успех среди наших пролетариев; они, в самом деле, поддерживают здесь прискорбные иллюзии о бесконечном значении собственно политических мер, они мешают оценивать, насколько справедливое удовлетворение великих народных интересов зависит теперь более от воззрений и нравов, чем от самих учреждений, истинное преобразование которых, в настоящее время невозможное, требует прежде всего духовной реорганизации. Но можно утверждать, что это спасительное образование положительной школе будет гораздо легче проводить в народные умы, чем распространять среди всех других классов, как потому, что отрицательная метафизика не могла там достаточно

укорениться, так, в особенности, в силу постоянного давления социальных потребностей, присущих их необходимому положению. Эти потребности, по существу, относятся к двум основным условиям — внутреннему и внешнему, — тесно связанным по своей природе, речь, на самом деле, идет о надлежащем обеспечении всем сначала права на нормальное воспитание, затем — на правильный труд; такова в сущности *истинная социальная программа пролетариев*. Действительной популярностью может пользоваться только та политика, которая необходимо будет стремиться к достижению этой двоякой цели. А таков, очевидно, сам собой складывающийся характер социальной доктрины, исповедуемой новою философскою школой. Наши предыдущие соображения избавляют нас здесь по этому вопросу от всяких новых разъяснений, которые, сверх того, являются предметом столь часто упоминаемого в этом «Слове» труда. Важно только добавить по этому поводу, что необходимое сосредоточение наших мыслей и нашей деятельности на реальной жизни человечества, устраняя всякие напрасные мечтания, будет в особенности стремиться сильно укреплять моральную и политическую связь народа в собственном смысле слова с истинной новою философией. Своим верным инстинктом он в самом деле скоро почувствует в этом новый сильный мотив направлять практическую общественную деятельность преимущественно к мудрому непрерывному улучшению своего собственного общего положения. Нелепые надежды, присущие старой философии, очень часто внушали, напротив, презрительное пренебрежение или полное равнодушие к такому прогрессу, так как он естественно должен был казаться недостойным серьезного внимания рядом с этой вечной перспективой само собой наступающего бесконечного воздаяния за всякие страдания.

2. Характер участия правительств в распространении положительных понятий

67. Эта краткая оценка достаточна теперь для того, чтобы с различных основных точек зрения выяснить необходимое тяготение низших классов к положительной философии, которая, лишь только она придет с ними в тесное соприкосновение, получит у них свою главную естественную, одновременно умственную и социальную, опору; в то же время, теологическая философия годна только для высших классов, политическое главенство которых она стремится увековечить точно так же, как метафизическая обращается преимущественно к средним сословиям, деятельному честолюбию которых она благоприятствует. Всякий размышляющий ум должен, таким образом, наконец, понять поистине основное значение, которое представляет теперь мудрое и систематическое введение в общее употребление положительных знаний, по существу научных для пролетариев, чтобы выработать в их среде здоровую социальную доктрину. Различные податели, способные хотя бы на минуту отвлечься от водоворота повседневных забот, единодушно и весьма резонно сожалеют об анархическом влиянии, оказываемом в наше время софистами и горами. Но эти справедливые сожаления неизбежно останутся тщетными, пока не будет лучше понята необходимость выйти, наконец, из того умственного состояния, когда официальное воспитание может обыкновенно подготовить только риториков и софистов, стихийно стремящихся затем распространять тот же дух через газеты, романы и драмы среди низших классов, которых никакое правильное образование не гарантирует от метафизической заразы, отвергаемой только их естественным рассудком. Хотя нужно надеяться, что современные правительства вскоре поймут, насколько всеобщее распространение реальных знаний может все более и более способствовать их непрерывным усилиям поддерживать необходимый порядок, тем не менее, не следует еще ожидать от них, ни даже желать их истинно деятельного сотрудничества в этом великом процессе приготовления умов, который должен долгое время вытекать преимущественно из свободного частного соревнования, внушенного и

поддерживаемого истинными философскими убеждениями.

Сохранение несовершенной и примитивной политической гармонии, беспрестанно устанавливаемой среди нашего умственного и морального беспорядка, слишком поглощает их и заставляет их даже стоять на точке зрения слишком низкой для того, чтобы они могли достойно оценить природу и условия такого труда; нужно лишь стараться дать им понять его важность. Если бы правительства, движимые несвоевременным усердием, пытались теперь руководить этим делом, они могли бы привести только к глубокому его искажению, значительно умаляя его успешность, так как не связанное с достаточно законченной философией, оно скоро выродилось бы в бессвязное накопление поверхностных частных. Таким образом, положительная школа, являясь продуктом деятельного и добровольного сотрудничества истинно философских умов, будет пока для надлежащего выполнения своей великой социальной задачи просить наши западные правительства лишь о предоставлении полной свободы изложения и обсуждения ее учения, свободы, равноценной той, которою пользуются уже теологическая и метафизическая школы. Первая из них может с высоты тысяч своих священных трибун превозносить абсолютное превосходство своей вечной доктрины и предавать всех своих противников бесповоротному осуждению; другая — на многочисленных кафедрах, содержимых для нее национальной щедростью, может ежедневно доказывать перед громадными аудиториями всеобщую целесообразность своих онтологических концепций и высокие качества ее литературных знаний. Не претендуя на такие преимущества, которые могут быть приобретены единственно в силу времени, положительная школа по существу просит теперь только права на постоянный доступ в общественные помещения, где она имела бы возможность непосредственно доказать свою окончательную способность одновременно удовлетворять все наши социальные потребности, мудро пропагандируя единственное систематическое образование, которое могло бы отныне подготовить действительный переворот, сначала идейный, затем моральный и, наконец, политический. Лишь бы только этот свободный доступ остался для нее всегда открытым, — а она уже опираясь на добровольное и бескорыстное усердие ее редких проповедников, благоприятствуемое всеобщим здравым смыслом и побуждаемое возрастающим давлением основного положения вещей, не побоится выдерживать с этого момента деятельную философскую борьбу против даже объединенных многочисленных и могущественных органов двух старых школ. Не приходится также опасаться, что в данном случае государственные люди отныне резко изменят свою беспристрастную умеренность, обусловленную их все более и более обнаруживающимся собственным безразличием в области умозрения; положительная школа может в этом отношении рассчитывать на обыкновенную благосклонность наиболее умных из них не только во Франции, но также и на всем нашем Западе. Их постоянный надзор за этим свободным народным образованием вскоре ограничится лишь требованием, как неизменного условия, истинно положительной философии, отклоняя с неумолимой строгостью еще слишком угрожающее введение смутных или софистических умозрений. Но в этом отношении основные потребности положительной школы прямо совпадают с естественными обязанностями правительств, ибо, если последние должны отвергать подобное злоупотребление вследствие его анархической тенденции, то первая, помимо этого справедливого мотива, считает его совершенно противным *основному* назначению народного образования, так как оно оживляло бы тот самый метафизический дух, в котором она видит теперь главное препятствие торжеству новой философии в обществе. По этой, как и по многим другим причинам, положительные философы будут себя всегда чувствовать почти в такой же мере, как и действующие власти, заинтересованными в непрерывном поддержании внутреннего порядка и внешнего мира, ибо они в этом видят наиболее благоприятное условие для истинного интеллектуального и морального возрождения: только со свойственной им точки зрения они должны на более далеком

расстоянии замечать то, что могло бы повредить или способствовать этому великому политическому результату, вытекающему из всей совокупности нашего переходного положения.

Глава третья

Необходимый порядок положительных наук

68. Теперь мы во всех отношениях достаточно охарактеризовали чрезвычайную важность, которую представляет собой всеобщее распространение — в особенности среди пролетариев — положительных знаний в целях создания отныне необходимой — одновременно умственной и социальной — точки опоры философскому труду, который должен постепенно произвести духовное преобразование современных обществ. Но такая оценка осталась бы еще неполной и даже недостаточной, если бы конец этого «Слова» не был посвящен установлению основного порядка, соответствующего этому ряду наук с тем, чтобы точно определить истинное положение, которое должна занять в их совокупности та, которою этот *трактат* займется затем исключительно. Это дидактическое расположение не только далеко не является безразличным, как это очень часто предполагают, исходя из нашего ложного научного строя, но, напротив, можно утверждать, что именно оно преимущественно обуславливает главную идейную и социальную плодотворность великого подготовительного процесса. Сверх того, существует тесная солидарность между энциклопедической концепцией, следствием которой оно является, и основным законом эволюции, служащим опорой для новой общей философии.

1. Закон классификации

69. Такой порядок должен по своей природе отвечать двум основным условиям, — догматическому и историческому, — точки соприкосновения которых необходимо выяснить прежде всего: первое состоит в расположении наук согласно их последовательной зависимости, так чтобы каждая опиралась на предыдущую и подготовляла следующую, — второе предписывает располагать их сообразно ходу их действительного развития, переходя всегда от более древних к более новым. Сама собой получающаяся равномерность этих двух энциклопедических путей зависит вообще от основного тождества, неизбежно существующего между индивидуальной и коллективной эволюциями; последние, будучи одинакового происхождения и имея аналогичное происхождение и одну и ту же движущую силу, должны всегда представлять соответственные фазисы, за исключением единственного различия в продолжительности, напряженности и быстроте, обусловленных несходством этих двух порядков явлений. Это необходимое совпадение позволяет, таким образом, рассматривать оба способа как две соотносительные формы одного энциклопедического принципа, так что обыкновенно оказывается возможным употреблять ту из них, которая в каждом случае наилучше обнаруживает интересующие отношения; то же совпадение дает драгоценное средство постоянно проверять одним из них результаты, полученные посредством другого.

70. Основным закон этого общего порядка, закон догматической и преемственно-исторической зависимостей, был со всей полнотой установлен в вышеуказанном большом труде, общий план которого он определяет. Он заключается в распределении различных наук согласно природе изучаемых явлений, либо по их убывающим общности и

независимости, либо по их возрастающей сложности, откуда вытекают умозрения все менее и менее отвлеченные и все более и более трудные, но также все более и более возвышенные и полные; последнее создается их более тесным отношением к человеку или, вернее, к человечеству, которое является конечной целью всякой теоретической системы. Это распределение приобретает свою главную философскую — как научную, так и логическую — ценность в силу постоянного и необходимого тождества, существующего между всеми различными способами умозрительного сравнения естественных явлений, — отсюда же вытекает множество энциклопедических теорий, объяснение и приложение которых является предметом указанного сочинения; последнее, кроме того, в области конкретного добавляет тот важный общий признак, что явления становятся таким образом все более и более способными видоизменяться, представляя все более и более широкую область для человеческого вмешательства.

Здесь достаточно указать в общих чертах применение этого великого принципа к рациональному определению истинной иерархии наук, непосредственно рассматриваемых отныне как различные составные элементы единой науки — науки о человечестве.

2. Энциклопедический закон или иерархия наук

71. Эта конечная цель всех наших реальных умозрений, очевидно, требует по своей одновременной научной и логической природе необходимой двоякой предварительной работы, относящейся, с одной стороны, собственно к человеку, с другой к внешнему миру. В самом деле, невозможно рационально изучать статические или динамические явления общественности, не познакомившись сначала в достаточной степени со специальным деятелем, производящим их, и с общей средой, в которой они совершаются. А отсюда вытекает необходимое деление той философии природы, которая предназначена готовить социальную философию, на две отрасли: на органическую и неорганическую. Что касается относительного расположения этих двух одинаково основных наук, то все существенные мотивы, как научные, так и логические, согласно предписывают в индивидуальном воспитании и коллективной эволюции начинать со второй, явления которой, более простые и более независимые в силу их наивысшей общности, единственно доступны сначала истинно положительной оценке, между тем как их законы, относящиеся непосредственно к существованию вселенной в ее целом, оказывают затем необходимое влияние на частное существование живых тел. Астрономия необходимо составляет во всех отношениях наиболее законченный элемент этой предварительной теории внешнего мира как потому, что она более доступна полному применению положительного метода, так и потому, что она характеризует общую среду всех наших, каких бы то ни было, явлений и выражает без всякого усложнения простое математическое бытие, — т. е. бытие геометрическое или механическое, общее всем реальным существам. Но даже стремясь по возможности наиболее сжато представить истинные энциклопедические концепции, невозможно было бы свести неорганическую философию к этому главному элементу, ибо она осталась бы тогда совершенно отрезанной от органической философии. Их основная связь — научная и логическая — коренится преимущественно в наиболее сложной отрасли первой, обнимающей изучение явлений творения и разложения, — явлений, наиболее возвышенных из всех необходимых для существования вселенной и наиболее близко касающихся жизненной формы в собственном смысле слова. Именно таким образом естественная философия, рассматриваемая как необходимое введение в социальную философию, разлагаясь сначала на две крайние и одну промежуточную науки, последовательно обнимает эти три великие отрасли знания — астрономию, химию и биологию, из которых первая непосредственно касается стихийного зарождения истинного научного метода, а последняя — его

основного назначения. Первоначальное развитие той и другой из них, соответственно, относится исторически к греческой древности, к средним векам и к современной нам эпохе.

72. Такая энциклопедическая оценка не выполнила бы еще в достаточной степени необходимых условий непрерывности и самостоятельности, присущих такому предмету, с одной стороны, она оставляет капитальный пробел между астрономией и химией, связь которых не может быть прямой, с другой — она недостаточно указывает, как на истинный источник этой умозрительной системы, на простое абстрактное продолжение общего разума, научная точка отправления которого не может быть прямо астрономической. Но для того, чтобы пополнить эту основную формулу, достаточно, во-первых, включить между астрономией и химией физику в тесном смысле слова, начавшую действительно существовать как самостоятельная наука лишь при Галилее; во-вторых, поместить в начале этого обширного целого математику, единственную необходимую колыбель рационального положительного метода как для индивида, так и для рода. Если при более частном применении нашего энциклопедического принципа мы разложим в свою очередь эту начальную науку на ее три главные отрасли — исчисление, геометрию и механику, то мы определим, наконец, с философской точностью истинное происхождение всякой научной системы, действительно исходящей вначале из чисто числовых умозрений, которые, будучи наиболее общими, наиболее простыми, наиболее отвлеченными и наиболее независимыми из всех, почти смешиваются с само собой получающимся развитием положительного мышления у наиболее заурядных умов; факт этот подтверждает еще на наших глазах повседневное наблюдение индивидуального развития.

73. Таким образом, мы постепенно приходим к открытию неизменной иерархии — одновременно исторической и догматической, одинаково научной и логической — шести основных наук: математики, астрономии, физики, химии, биологии и социологии; из них первая необходимо составляет исключительный отправной пункт последней, являющейся единственной основной целью всякой положительной философии, рассматриваемой отныне как философия, которая образует, в силу своей природы, истинную неделимую, хотя несколько не произвольную, систему, где всякое разложение в корне искусственно и которая относится, в конечном итоге, всецело к человечеству, единственному вполне универсальному понятию. Совокупность этой энциклопедической формулы, точно согласующаяся с истинными свойствами соответственных наук и очевидно обнимающая, сверх того, все элементы наших реальных умозрений, позволяет, наконец, всякому уму по желанию возобновлять в своей памяти общую историю положительного метода, переходя, почти незаметным образом, от простейших математических идей до наиболее возвышенных социальных концепций. В самом деле, ясно, что каждую из четырех промежуточных наук ее простейшие явления связывают, так сказать, с предыдущей, ее наиболее сложные — с последующей. Эта сама собой возникающая совершенная непрерывность станет особенно очевидной для всех тех, кто, ознакомившись с вышеуказанным сочинением, узнают, что тот же энциклопедический принцип дает также рациональное распределение различных составных частей каждой основной науки, так что догматические ступени и исторические фазисы могут сближаться постольку, поскольку этого требует точность сравнений или легкость переходов.

74. При настоящем состоянии умов логическое применение этой великой формулы еще более важно, чем ее научное употребление, так как в наше время метод является более существенным, чем сама доктрина, и кроме того, только он непосредственно доступен полному преобразованию. Таким образом, главная полезность этой формулы заключается теперь в строгом определении неизменного хода всякого истинно положительного воспитания среди неразумных предрассудков и обычных недостатков, присущих предварительному развитию научной системы, образованной постепенно из частичных и несвязных теорий, взаимные отношения которых должны были оставаться до настоящего

времени незамеченными для следовавших один за другим их основателей. Современные ученые всех специальностей нарушают теперь одинаково серьезно, хотя и в различных отношениях, это основное обязательство. Ограничиваясь здесь приведением двух крайних случаев, укажу на то, что геометры, справедливо считая себя стоящими у истинного источника положительного метода, стремятся со слепым упрямством задержать человеческий разум на этой чисто начальной ступени действительного умозрительного подъема, не обращая внимания на его единственную необходимую цель, напротив, биологи, законно восхваляя превосходные качества своего предмета, непосредственно примыкающего к конечному звену этой великой цепи, упорно продолжают держать свои исследования в неразумной изолированности, произвольно освобождая себя от требуемой их природой трудной подготовительной работы. Эти противоположные, но одинаково эмпирические настроения очень часто приводят теперь у одних к напрасной затрате умственных сил, расходуемых отныне большей частью на все более и более ребяческие исследования, у других — к постоянной шаткости различных основных понятий, обусловливаемое отсутствием истинно положительного метода. В этом последнем отношении важно, в особенности, заметить, что в действительности общественные науки являются теперь не единственными науками, которые остаются еще вполне чуждыми положительной системе и пребывают под бесплодным господством теолого-метафизического мышления; в сущности, сами биологические науки, и особенности динамические, хотя они обставлены академически, также не достигли до сих пор истинно положительной ступени, ибо ни одна капитальная доктрина не является достаточно обоснованной, так что область иллюзий и фантастических построений остается почти бесконечной. А печальное продолжение такого положения вещей по существу зависит в одном и другом случае от недостаточного выполнения великих логических условий, определяемых нашим энциклопедическим законом: ибо давно уже никто не спорит против необходимости положительного метода, но никто не знает его природы и налагаемых им обязанностей, которые может характеризовать только истинная научная иерархия. Чего, в самом деле, ожидать как относительно общественных явлений, так даже касательно более простого изучения индивидуальной жизни, от трудов ученых, которые приступают непосредственно к столь сложным умозрениям, не подготовившись достойным образом ясной оценкой методов и доктрин, относящихся к различным менее сложным и более общим явлениям и лишив себя, таким образом, возможности в достаточной степени познать как индуктивную логику, характеризующуюся на начальной стадии главным образом химией, физикой и, прежде всего, астрономией, так даже чисто дедуктивную логику или элементарное искусство строить заключения? — ведь надлежало бы развить последнее можно только обладая математическим образованием.

75. Дабы облегчить обычное употребление нашей иерархической формулы, очень удобно (когда полная энциклопедическая точность не является обязательной) сгруппировать термины по два, представляя их в виде трех пар: начальной математико-астрономической, конечной биолого-социологической, разделенных и соединенных промежуточной физико-химической парой. Это удачное сжатие формулы вытекает из неопровержимой оценки наук. Ибо, самом деле, существует гораздо большее естественное сходство, как научное, так и логическое между двумя элементами каждой пары, чем между целыми последовательными парами. Это обстоятельство часто подтверждается трудностью, испытываемой при точном отделении математики от астрономии и физики от химии в силу смутных привычек, господствующих еще в области всех взглядов на целое; в особенности это верно относительно биологии и социологии, которые большинство современных мыслителей продолжает смешивать. Не доходя никогда до этих ложных смешений, которые в корне исказили бы переходы нашей классификации, полезно будет часто сводить, таким образом, элементарную иерархию реальных умозрений к трем основным парам, из которых каждая сверх того сможет быть кратко обозначена по своему

более специальному элементу, являющемуся всегда действительно наиболее характерным и наиболее способным определить великие фазисы эволюции положительного метода, индивидуальной или коллективной.

3. Важность закона классификации

76. Эта краткая оценка достаточна здесь для того, чтобы указать назначение и отметить важность такого закона классификации, в котором окончательно заключается одна из двух основных идей, само собой возникающее и тесное сочетание которых необходимо составляет систематическое основание новой общей философии. Конец этого пространного «Слова», где истинное положительное мышление было охарактеризовано со всех его существенных сторон, приближается, таким образом, к своему началу, ибо эта теория классификации должна быть рассматриваема, в конечном счете, как естественно нераздельная от изложенной вначале теории эволюции; поэтому настоящее сочинение само образует истинное целое, верное, хотя чрезвычайно уменьшенное, изображение обширной системы. Легко, в самом деле, понять, что обычаи соображаться с такой иерархией должен стать необходимым как для надлежащего применения нашего первоначального закона о трех стадиях, так и для достаточного устранения единственных серьезных препятствий, которые он мог бы встретить; ибо частое историческое совпадение трех великих фазисов мысли в области различных умозрений являлось бы при всяком другом методе классификации необъяснимой аномалией, которую, напротив, разрешает наш иерархический закон, столь же относящийся к последовательности, как и к зависимости различных положительных знаний. Равным образом, в обратном смысле, ясно, что правило классификации предполагает правило эволюции, ибо все основные мотивы, поддерживающие установленный в таком виде порядок, в сущности, вытекают из неравной быстроты такого развития у различных основных наук.

Рациональное сочетание этих двух основных идей, образуя необходимое единство научной системы, все части которой все более и более стремятся к одной цели, обеспечивает также, с другой стороны, правомерную независимость различных главных элементов, еще очень часто искажаемую ложными сближениями. Так как при своем предварительном развитии, единственно имевшем место до сих пор, положительный метод вынужден был, таким образом, постепенно распространяться от низших знаний к высшим, то последние неизбежно подверглись победному натиску первых, против влияния которых их необходимая самобытность не находила сначала другой гарантии, кроме бесконечного продолжения теолого-метафизической опеки. Это прискорбное колебание, чрезвычайно заметное еще в области науки о живых телах, характеризует теперь то, что, в сущности, содержится реального в длинных спорах, — столь пустых во всех других отношениях, — между *материализмом* и *спиритуализмом*; оба эти течения в смутных очертаниях и в равно ложных формах отражали одинаково серьезные, — хотя, к несчастью, до сих пор противоположные, — потребности реальности и достоинства всех наших умозрений. Достигши отныне своей систематической зрелости, положительный метод рассеивает сразу заблуждения как одного, так и другого порядка и заканчивает эти бесплодные споры, одновременно удовлетворяя этим двум условиям. Их считают противоречивыми ошибочно, как теперь показывает наша научная иерархия, в связи с нашим законом эволюции, ибо каждая наука может достигнуть истинно положительной ступени лишь тогда, когда вполне укреплены присущие ей характерные особенности.

Заключение

Применение астрономии к образованию

78. Непосредственное применение этой энциклопедической теории — одновременно научной и логической — приводит нас, наконец, к точному определению природы и назначения специального образования, которому посвящен этот *трактат*. В самом деле, из предыдущих объяснений вытекает, что главное влияние, сначала умственное, затем социальное, которое мы должны теперь искать в мудром всеобщем распространении положительных знаний, необходимо зависит от строгого дидактического соблюдения иерархического закона. Для каждого быстрого индивидуального образования, как и для медленного коллективного просвещения, останется всегда необходимым, чтобы положительное мышление, развивая свое господство по мере того, как увеличивается область его влияния, поднималось мало-помалу от первоначального математического до конечного социологического состояния, проходя последовательно четыре промежуточные ступени — астрономическую, физическую, химическую и биологическую. Никакое личное превосходство не может совершенно избавить от этой основной постепенности, по поводу которой весьма уместно теперь лишь констатировать, что у высших умов наблюдается в этом отношении непоправимый пробел, обуславливающий иногда безрезультатность чрезвычайных философских усилий. Такой ход должен, таким образом, стать еще более необходимым во всеобщем воспитании, где специальности имеют мало значения и главная полезность которого, — более логическая, чем научная, — по существу требует полной рациональности, в особенности когда дело идет об установлении, наконец, правильного строя мысли. Таким образом, это народное образование должно теперь относиться главным образом к первоначальной научной паре, пока оно не будет надлежащим образом популяризовано. Именно там все должны сначала черпать истинные элементарные понятия общего положительного метода, приобретая знания, служащие основанием для всех других реальных умозрений. Хотя это строгое обязательство необходимо привело бы к помещению на первом плане наук чисто математических, нужно, однако, принять во внимание, что речь идет еще не об установлении прямой и полной систематизации народного образования, но лишь о надлежащем сообщении философского импульса, который должен привести к этой систематизации. Поэтому легко признать, что такое движение должно в особенности зависеть от астрономических знаний; последние по своей природе необходимо представляют полное проявление истинного математического метода, главное назначение которого они, в сущности, составляют. К представлению, таким образом, начальной пары одной астрономией тем менее встречается затруднений, что математические знания, поистине необходимые для ее полной популяризации, уже достаточно распространены или достаточно доступны и потому можно было бы теперь ограничиться предположением, что они уже имеются налицо благодаря предварительной подготовке. Это необходимое преобладание астрономической науки в первом систематическом распространении положительного образования вполне соответствует историческому влиянию этой науки, являющейся до сих пор главным двигателем великих умственных переворотов. В самом деле, основное чувство неизменности естественных законов должно было сначала развиваться в области наиболее простых и наиболее общих явлений, необыкновенные правильность и величие которых показывают нам единственный реальный порядок, который совершенно независим от всякого человеческого воздействия. Даже прежде, чем принять сколько-нибудь истинно научный характер, этот класс представлений в особенности определил решительный переход от фетишизма к политеизму, вытекавшему везде из культа небесных светил. Его первоначальное математическое обоснование в школах Фалеса и Пифагора было впоследствии главной

идейной причиной падения политеизма и торжества монотеизма. Наконец, систематическое развитие современного положительного мышления, открыто стремящегося к новому философскому строю, является существенным результатом великого астрономического переворота, начатого Коперником, Кеплером и Галилеем. Не приходится, таким образом, удивляться тому, что общее положительное образование, на которое должна опираться непосредственная победа окончательной философии, оказывается вначале также зависимым от этой науки, в виду необходимого соответствия между личным воспитанием и коллективной эволюцией. Именно это, без сомнения, является последней ролью, какую ей предстоит сыграть в общем развитии человеческого разума, который, раз достигнув у всех истинно положительного характера, должен будет шествовать затем, побуждаемый новым философским толчком, прямо исходящим от окончательной науки, отныне навсегда возведенной к своему нормальному господствующему положению. Такова чрезвычайная польза, — не менее социального, чем умственного характера, — которую нужно, наконец, извлечь из разумного популярного изложения теперешней системы здоровых астрономических знаний.